

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ИГОРЬ ВАРДУНАС
СЛЕПАЯ ТРОПА

FUTURE CORP.

Метро

Игорь Вардунас

Метро 2033: Слепая тропа

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вардунас И. В.

Метро 2033: Слепая тропа / И. В. Вардунас — «Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Желая найти пропавших родителей, Лера бежала в Антарктику на борту атомохода «Иван Грозный», отплывшего в поисках панацеи для человечества. Длинный, полный опасностей путь привел Леру и команду судна на Фарерские острова, казалось бы, не тронутые Войной и чадом пожарища, окутавшего планету. Но радость была недолгой. Таившаяся на чужой земле беда подкралась откуда не ждали: зло – жестокое, непредсказуемое и невидимое. Лера оказывается перед выбором: собственное счастье или жизнь друзей. Время уходит, но любовь слепа, как и новая тропа, по которой ей предстоит пройти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вардунас И. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Многолетнее путешествие	7
Пролог	12
Часть I	21
Глава 1	21
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игорь Вардунас
Метро 2033: Слепая тропа

© Д.А. Глуховский, 2017
© И. Вардунас, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Многолетнее путешествие Объяснительная записка Вадима Чекунова

Давным-давно, в далекой-далекой галак... То есть я хотел сказать, во Вселенной Метро... В общем, в далеком 2011 году появилась книга Игоря Вардунаса, примечательная сразу несколькими вещами. Прежде всего – отзывом самого отца-основателя серии, Дмитрия Глуховского. Помимо выдачи автору своеобразного карт-бланша на освоение новых пространств, Дмитрий не поскупился на добрые слова:

«Ледяной плен» – первая изданная книга Игоря, и очень здорово, что он начинает свой писательский путь с нашей серии, с нашего портала. Как это уже неоднократно случалось за последние два года, роман, написанный новичком-энтузиастом с Metro2033.ru, оказывается самобытней и ярче иных книг, над которыми корпели профессиональные писатели».

Тем интереснее мне было следить за дальнейшей писательской карьерой Игоря. Было заметно развитие автора из любителя-новичка в человека, пишущего уже профессионально. Но не будет ли тут таиться тот самый подвох, о котором упоминал Глуховский? Не получится ли так, что со временем тексты автора поблекнут и нам придется озираться в ожидании и поисках нового дебютанта, самобытного и яркого?

К счастью, ничего подобного не случилось. Игорь гнул свою линию и позиций не сдавал. Меня откровенно радовали его тексты, написанные и в соавторстве, и для сборников рассказов. Особняком стояли книги Вселенной Метро, в которых мы узнавали о продолжениях приключений неугомонной Лерки и ее друзей, об их скитаниях по просторам изменившегося навсегда мира. «Ледяной плен», «Последний поход» и «Путь проклятых», казалось бы, полностью уложились в зародившуюся в серии славную традицию трилогий. И вот «Атлантическая одиссея» окончена, все свободны, всего доброго (если, конечно, вообще сумеете отыскать это «добро» в постапокалипсисе).

Но не тут-то было. Проходит несколько лет (срок внушительный для литературного проекта), и Игорь, у которого словно сохранился тот самый выданный ему когда-то карт-бланш, привносит в серию нечто новое. Его «Слепая тропа» – это не только качественный симбиоз драмы и триллера, но это теперь и наша первая официальная тетralогия.

Надеюсь, далеко не последняя.

Ну а пока – будем читать «Слепую тропу», посмотрим, куда заведет она нас и героев книги.

И хотя автор в послесловии расставляет точки над «и» и прощается с героями – как знать, как знать, какие дороги им уготованы в будущем, сколько времени пройдет, прежде чем мы снова (возможно) встретимся с ними...

Новый польский роман во Вселенной Метро.
Есть сигнал с Кракова! И там живут выжившие после Катастрофы...
Добро пожаловать в Польшу 2033 года.

На очереди – Белгород.

На этот город не падали ракеты, но пришедшее с юга ядовитое облако убило всех, кто не успел спрятаться в убежищах. Несмотря на пережитый ужас, уцелевшие не поняли урока и с упоением продолжили грызню за место под солнцем. Увлекшись новой войной, они совсем позабыли, что на окраинах обитают стаи чудовищ-падальщиков.

Запасы мертвечины подходят к концу, и вот уже хвостатые хозяева руин совсем иными взглядами смотрят на двуногих соседей. Появляется Свора, ведомая беспощадным вожаком. И цели этой Своры – убивать, поглощать и размножаться.

Люди и мир – друг для друга яд.

Ф. Дик

Пролог

На четвертом повороте он понял, что окончательно заблудился.

Черт! Нельзя было соваться сюда без карты. Говорили же, это чистое самоубийство. Но что оставалось делать? С лодкой он бы не справился, а драгоценный компас стащить не удалось. Выбора не было. Поначалу он двигался по указателям, и это ободряло, но затем они стали попадаться все реже, а сейчас и вовсе пропали. Последний – на Шпицберген – он миновал несколько часов назад. Или это было вчера...

Проклятье.

Хоть тепло. Относительно. Проникавший с поверхности ветер, мотаясь по туннелям, затухал, медленно согреваясь и превращаясь в стоячий воздух.

Человек продолжал идти.

Щербатое асфальтовое полотно с пунктиром разделительной линии, стелящееся под ногами в тусклом круге света, неожиданно поглотила темная масса воды, раскинувшаяся от стены до стены. Он остановился и, оглянувшись, подкрутил ручку динамо-фонарика. Тихое жужжание машинки, не вызвавшее даже эха под сводами туннеля, немного его успокоило. Потом он снова нацелил луч на неподвижную массу широкой (хотя противоположный берег высвечивался не так далеко – в четырех-пяти метрах) лужи. Хрустнуло, в воду шлепнулась извлеченная из кармана и замерцавшая бледно-синим палочка ХИС, которая, медленно вращаясь, пошла ко дну. Он следил за ней с замиранием сердца. Эта была последняя. Дальше оставалось полагаться лишь на фонарь, но и он уже на ладан дышит.

Изначально задача казалась выполнимой – ему необходимо было попасть в Норвегию, а уже в нем сбиться с пути попросту невозможно. Но сейчас ситуация выглядела безвыходной. Что же делать?.. Назад нельзя. Впереди препрятствия. Думай...

Сколько он здесь блуждал. Сутки, двое... Тьма съедала время, укутывая его словно саваном. Если бы не фонарь и несколько палок ХИС, которые удалось стащить, он давно бы сошел с ума. Все знали, что туннели забирали у чужаков разум. Ничего. Он не боится. Лишь бы не пострадала семья.

Опасаясь первых признаков синестезии, он пару раз принимался вспоминать песни из прошлого, чтобы отвлечься. Но слова и рифмы, подкидываемые сознанием, упорно крутились вокруг смертей и безысходности, последних тревожных голосов дикторов радиоэфира перед тем, как он навсегда замолчал. А когда, перестав напевать, блуждающий человек постепенно начал обсуждать вслух свои действия и даже с кем-то спорить, то сам себя испугался и замолчал.

Палочка наконец замерла, рассеивая вокруг мягкое свечение, в котором дрейфовали песчинки. Прикинув глубину, он облегченно вздохнул.

Метр-полтора, не больше. Обычный провал грунта.

Он облизнул пересохшие губы и потер тыльной стороной ладони глаза. Вода манила. Рука непроизвольно дотронулась до пустой полуторалитровой пластиковой бутылки, привязанной за горлышко к веревке, несколько раз обернутой поверх комбинезона вместо ремня.

Когда он пил последний раз?

После того как запас воды иссяк, он еще несколько раз мочился, бережно собирая испражнения в бутылку до последней капли. Но и это не могло продолжаться вечно. От воспоминаний нутро свела судорога, и его непременно бы вырвало, если бы было чем. Вкус воды, пропущенной через биомеханизм его тела, был мерзким и отвратительным, но выбора не оставалось. Организм отчаянно хотел жить, настолько, что с готовностью заново поглощал продукты собственной переработки. Человек поедал себя. Вот что ты с нами сделал, Господи...

Нет. Это мы сами с собой сделали. Но почему Ты допустил, почему позволил нам самим до этого дойти? Ведь мы готовились. Предсказания были написаны в книгах. Я сам их читал, заучивал. Что сначала нам всем будет очень плохо, настолько, что мир ввергнется в пучину скорби и отчаяния. А потом Ты придешь и наступит Конец, Зло будет наказано и после всем воздастся. По делам. Но книжкам не верили. Смеялись, строили опроверждения. И в результате устроили Конец себе сами. Бог оказался совершенно ни при чем. И где Ты теперь? Если существуешь, почему, наблюдая за нами, ничего не изменишь? Почему отвернулся? Или ждешь, когда мы, ввергнув себя в Чистилище, сами вновь обратимся к Тебе? Пересмотрим свои жизни, думая о спасении, о будущем, которого нет... «Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем»¹. Ты серьезно? Ну тогда явись, исцели, опровергни. Или Ты думаешь, что после нашего самоубийства у нас еще остались мысли о Тебе? Ха. Все Твои дети теперь гниющие калеки, запертые в клоаке вне времени. Звери и мрази, совершившие суицид и породившие собственных демонов. Ты нам не нужен, Бог. Обещал еще вернуться? Ты опоздал. Нет больше Твоих храмов. Люди плевали на Твои заветы. Мы наплевали сами на себя.

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой»².

Да вот не течет уже, не поверишь.

Пить...

Гребаное тело. Мешок с дермом, производить которое оно и так уже не способно.

Кап-кап, отзывалась в полумраке лужа.

Мозг сразу же услужливо накидал несколько соблазнительных образов из далекого прошлого: пустыня, зной, запотевшие бутылки со сбегающими по стенкам искрящимися на солнце каплями. Жадно, с наслаждением присасывающиеся к горлышкам актеры, дубль за дублем изображавшие смертельную жажду и, наконец, вкушавшие свой приз. Тупые, наивные дураки. Сейчас хоть за одну такую каплю он, наверное, отдал бы...

Что? Путник снова провел языком по отзывавшимся жаром губам, ужаснувшись собственным мыслям. На что способен человек, управляемый слепым инстинктом, указкой страдающего сознания, из последних сил отгоняющий приближение скорой и мучительной смерти... Или это всего лишь самообман? Он давно сам превратился в животное. Тупую скотину, чудом уцелевшую в сожженном хлеву, и теперь мающуюся в ожидании, когда подохнет от голода и болячек. Зачем вообще поперся? Чтобы предупредить? Для чего? Кто они ему? Такие же выродки, которым он ничего не должен. Он всего лишь отсрочит неизбежное. Скорее всего, его просто посадят на кол, как лазутчика или сумасшедшего, он даже рта не успеет раскрыть. Всем известно, как поступают с теми, кого изредка выплевывают туннели.

А вода – вот же она. И наплевать, что грязная. Какая, к черту, разница. Чем она хуже того химического подкрашенного суррогата, который с таким наслаждением сосали трупы из давно ушедшей рекламы? Что с ним случится от пары глотков? От пары вшивых глотков? Он так давно не пил. Так давно...

Ну, давай же. Ну, ты что?

Скулы свело судорогой.

– Напе-е-ейся...

– Хватит!

Вот опять. Нет. Не думать! Он отвесил себе пощечину. Вышло хлестко и сильно, ибо он уже не жалел собственное тело. хоть оно и молило беречь его. Ненавидел оболочку, которой

¹ От Матфея 16:27-28.

² От Иоанна 7:37-38.

был. Выбросить из головы. Морок, наваждение. Прихоть ослабевшего организма. Это всего лишь грунтовые воды, которые намыли сюда подземные ручьи. Какую заразу, принесенную атлантическим течением, они переплетенными венами гоняли под островами? Несколько глотков живительной влаги, несколько секунд наслаждения и медленная жестокая расплата. Безжалостная смерть, от которой нет спасения.

Без обеззаражающих таблеток, пару штук которых он успел стащить, куцый ошметок марли был совершенно бесполезен, и то он перевязал им запястье, когда саданулся в потемках о железяку, выпирающую из стены. О возможных последствиях и отсутствии лекарств он запрещал себе думать. Плевать. Теперь это всего лишь отсрочка.

– Я просто адски задолбался, – устало пробормотал человек.

Совсем рядом гулко капнуло, словно подталкивая к действиям застывшего в сомнениях путника. Давай же. Не мешкай.

Пригласи девушку на свидание...

Он чуть смежил веки, и темнота стала практически абсолютной. Вдох. Выдох. Рука отпустила бутылку.

Нет.

Он должен был стерпеть, обязан, невзирая на эти tantalовы муки, которыми мазохистски себя накручивал. Уже поздно возвращаться. Он должен дойти, хотя лабиринт всеми силами не пускал. Обманывал, игрался, превращая и без того призрачную надежду в тупик.

Человек обернулся, взглядываясь в темноту за спиной.

И еще он был не один.

* * *

– Я хочу пить!

– Сказали же, потерпи немного.

– Ну па-апа-а!

– Харек!

– Давай остановимся!.. Ма-ам!

– Угомонись! Вот «Кола» осталась, держи.

– Буэ, она же теплая!

– Я ничего не могу сейчас сделать, ты знаешь. Агнета терпит, и ты терпи.

– Это потому, что она спит. – Мальчишка нагнулся к сестре и поводил перед ее лицом ладонью. Уши девочки были закрыты наушниками.

– Харек, последний раз...

– Ос-та-нов-ка! Ос-та-нов-ка!

– Если сейчас же не успокоишься, я отберу компьютер.

– Да мне и так Эггмана³ не пройти... Пятый раз сливаюсь.

– Значит, попробуй еще. На ошибках учатся.

– Да знаю, знаю. О'кей...

За закрытыми, чтобы не простудить детей, окнами была ранняя ветреная весна, и из-за работающего отопления в салоне скопилась томительная духота. Биргеру самому уже некоторое время хотелось где-нибудь остановиться и отдохнуть, но он упрямо продолжал гнать машину дальше по асфальтовому серпантину, стелящемуся вдоль края обрывавшегося у моря плато.

Он не хотел признавать, что согласен с сыном потому, что сам мучился жаждой – не рассчитали они с водой. Что ему уже порядком осточертел руль и давно хотелось остановиться

³ Он же Доктор Айво Роботник – главный злодей серии Sonic the Hedgehog.

и пройтись, просто размять затекшую спину. Что оставшаяся в полуторалитровой бутылке «Кола» была отвратительно теплой, превратившись в сплошную липкую сахарную дрянь черного цвета.

Вдобавок, Харека недавно стошило, все пришлось убрать в бумажный пакет из-под чизбургера, который в него и вернулся. Мусор девать было некуда, окно не открыть – сквозняк – и теперь кондиционер вместе с воздухом гонял по салону неприятный привкус рвоты.

На этом отрезке магистрали остановка была запрещена, об этом предупредил знак двумя километрами ранее. Да и между асфальтом и высоким отбойником, за которым начинался покатый склон, поросший травой, плавно сползающей с обнажающихся, как волосы на прощепшине, камней, нельзя было припарковать машину, не помешав при этом основному движению. Ниже только гудящий, разбивающийся о скалы прибой. Его было слышно даже из салона, несмотря на приемник и нытье сына, просовывающего вихрастую голову между сиденьями родителей и с высунутым от старания языком то и дело дотягивающимся до кнопки каналов приемника. Ребенок мучился, устал от Nintendo и инстинктивно пытался себя отвлечь.

Вот опять.

– Харек!

Клик!

*Дождь – это то, что принесла гроза.
Я впервые чувствую, что мое сердце поет.
Считай меня дурой, но я знаю, что это не так.
Я буду стоять здесь, на вершине горы,
пока не почувствую тебя...⁴*

Мозг тут же услужливо нарисовал картину неукротимой бушующей воды, нескончаемыми потоками льющейся с неба, шелестящей в листве, освежающей, пробирающей до костей. Которую, казалось, можно, зажмутившись, просто хлебать глотками... Биргер тряхнул головой.

За лобовым стеклом низкие рваные облака, гонимые ветром, клочьями неслись на север в сторону моря. Какой тут, к черту, дождь. Лучше уж снова Бьорк по второму кругу.

Бутылочная вода, припасенная для поездки, давно закончилась, пустые запотевшие изнутри пластмасски только дразнили, а ближайший населенный пункт в тридцати километрах, так что оставались только бензоколонки.

Их на пути было разбросано три. Одну уже проехали. До следующей полтора километра, и сын это прекрасно знал, от нечего делать вдоль и поперек изучив маршрут на карте, сложенной на коленях спящей у окна сестры. И сейчас, понимая, что скоро возможна спасительная остановка, Харек начал снова старательно ныть.

– Харе-ек...

Сидевшая рядом жена откинулась на подголовник и закрыла глаза, скучая из-за отсутствия мобильного интернета. Вот он, современный мир, в котором человек с другого конца света на экране компьютера ближе, чем тот, кто сидит с тобой рядом за одним столом. Или в машине. А что они хотели? В таких путешествиях это вполне предсказуемо: все темы друзья-работа-планы-дети были давным-давно оговорены-переговорены, игры играны-переиграны, а диски и mp3 переслушаны. Оставалось только терпеть, изредка обмениваясь невнятными репликами. Дома мы не отдаём себе отчета в общении, ведь практически постоянно на что-либо отвлекаемся, двигаемся, решаем. В замкнутом пространстве с ограниченным ресурсом отвлекающих сегментов темы для разговоров обычно кончаются в первый час-полтора,

⁴ Madonna «Rain».

особенно в дальних поездках. Даже в самых дружных и крепких семьях. Вот вам и домашняя терапия на колесах.

Ныли запястья. Ну почему она так и не получила права... Первая же настояла поменять машину.

Клик!

– Ради всего святого...

Конечно, Вендла сама устала от бесконечного сидения на одном месте. Вдобавок ей уже наверняка давно хотелось курить, хоть врач ей при каждой встрече уже почти приказывал, что надо рубить. Воли не хватало. Привычка мозга – страшная вещь.

До и во время второй беременности Вендла держалась, в какой-то момент показалось даже, что она полностью избавилась от зависимости, но после завершения кормления снова начала дымить. Хоть и немного, но все-таки.

Сам Биргер бросил курить сразу после флота и ни разу об этом не пожалел, с горечью наблюдая, как впоследствии двое сослуживцев медленно, но верно загнулись от рака. Их похороны помнил весь его небольшой приход.

Дорога извивалась, жена томилась, с заднего сиденья жалобно скулил сын.

Спасибо, хоть Агнета, разморенная кондиционером, спала под своим свитером, прильнув лбом к ритмично запотевавшему от ее дыхания прохладному стеклу.

Нет. Хватит. Решено.

На следующей заправке они останавливаются. В конце концов, пора бы сходить в туалет. Туалет и вода. Да. Много бутылок. Может, даже взять приличную упаковку. И прямо из холодильника. Но не слишком холодную, чтобы не простудить детей. Еще не хватало по приезде слушать понукания Дорты. Кондиционер и холодный напиток – опасная смесь.

Следя за изменяющейся линией горизонта, Биргер даже удивился, как легко он нашел предлог для успокоения собственной совести. Заодно и подзаправятся. Хоть и стоило согласиться с Вендлой, за горючку на таких АЗС драли по-конски, поэтому многие заранее «набивались» под завязку и гнали галопом, подолгу не останавливаясь, на одной скорости – тем самым сокращая объем расхода топлива. Но в этот раз жена сама виновата, ведь продукты в дорогу собирала она. Могла бы и рассчитать.

И угораздило же Дорту перебраться на соседний остров. С одной стороны, он был этому рад – хоть по-своему, но любил тещу. В конце концов, под рукой всегда есть куча средств связи, не в каменном веке живем. Правда, Вендла нередко обвиняла его в эгоизме, который он отрицал с абсолютной уверенностью в своей правоте, ведь переезд был полностью инициативой не так давно овдовевшей женщины.

Но когда дети, как сейчас, хотели «прокатиться к бабушке», стоило готовиться к испытаниям, и не только по дороге, но и в конце пути. Солидному экзамену подвергался и кошелек, однако в этот раз подфартило – Вендлу отпустили в отпуск с премиальными. Хоть какая-то радость.

Наконец впереди показался указатель, что через триста метров ожидается съезд.

– Папа, знак! – Снова просунувшись между сиденьями, Харек ткнул пальцем в стекло.

– Вижу-вижу. Заедем, проведаем Арвида.

– Ура!

– Тише, сестру разбудишь, – шикнула мать. – Заодно почту проверим. Может, мама писала.

– Конечно, Сверчонок.

Вскоре показался съезд, и Биргер вырулил с трассы. Заправочная станция являла собой небольшой сельский домик с заросшей крышей и крытой пристройкой на несколько колонок. Такие периодически нет-нет, да и можно было встретить на островах, особенно на слишком

протяженных участках. Ничего подпольного и незаконного, некоторые фермеры и прочие частники нередко имели самый нетривиальный бизнес.

Заглушив двигатель, Биргер с облегчением выбрался из салона, вдыхая свежий воздух, который после затхлого салона машины показался просто восхитительным.

– Эй, солнышко. Мы остановились. – Вендла мягко потеребила дочку. – Пойдем в туалет, до бабушки уже ничего не будет.

Пока жена возилась с детьми, Биргер огляделся.

Через пристройку с колонками можно было попасть в небольшую лавочонку со всякой снедью и мелочевкой, способной сгодиться в пути, а также сходить в туалет и перекусить, как указано было на одной из табличек у двери. Уютно тянуло жареным. На противоположной стороне дороги, за небольшим металлическим ограждением возвышался аккуратный сарай-гараж, из которого выглядывала приплюснутая морда трактора с трепетавшим на капоте флагжком. Нестройно блеяла небольшая отара разбредшихся возле овец, которых сторожила собака.

«Нет краше земли в мире славной моей! Я щедро богат, счастлив я жить на ней».⁵ Биргер глубоко вдохнул, улыбнулся.

– Привет, Биргер!

Он оглянулся и помахал невысокому седобородому старику, вытаскившему из бочки сито, которое в ней полоскал.

– Привет, Арвид! Ветерок, а?

– Не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда, – подходя, усмехнулся в бороду старику, отчего его обветренное морщинистое лицо стало похоже на печеное яблоко.

– В Джегв?

– Да. К бабушке. Зальешь? А еще воды, чего-нибудь перекусить и туалет. Мы с семьей.

– Без проблем. Сейчас все сделаем. Илва!

– Что?

– Принеси ключ от туалета и включи третью! Эрикссоны заехали!

– Ок!

– Харек! – Пока с другой стороны машины Вендла помогала выбраться заспанной Агнете, мальчишка распахнул дверь и, выскочив, бросился в сторону дороги, увидев позади нее отару. – Не играйся!

– Овцы, мам! Уууу, ау-ау-ау!

– Деловой сорванец, – хмыкнул заправщик.

– О да, этот себе на уме, – усмехнулась Вендла. – Привет, Арвид!

– Кто б сомневался. Эй, детвора! Кто хочет гамбургер? Настоящий, из мяса, а не из той непрожаренной велосипедной резины, которой вас потчуют почем зря.

– И завлекать не надо. Бутерброды в самый раз, – со смехом согласилась Вендла, выкидывая в помойку злополучный бумажный пакет и полиэтиленовый с обертками от шоколадных батончиков. – Мы часов пять ничего путного не ели. И освежитель воздуха бы сменить. Есть увлажнители?

– Понимаю. Дорожное происшествие. Найдем.

Выйдя из лавки, к Арвиду подошла суховатая, опрятно одетая женщина с длинными серебристыми волосами, собранными на затылке в узел, и поприветствовала путешественников. – А вот и ключи. Идемте, у нас там кое-какая перестановка.

«Посольство НАТО в Стокгольме предупредило... Российский премьер выразил серьезные опасения, отметив, что в случае нарушения пакта они будут вынуждены вмешаться... Черный день календаря!.. Драма на Уолл-стрит... Финансовая биржа терпит крах... Государственный департамент США: “Мы не согласны с политикой Ближнего Востока!” ...в государ-

⁵ Гимн Фарерских островов.

ствах-террористах⁶ остается напряженной... КНДР заявила, что готова нанести удары при первой...» – пестрела заголовками местная газета, которая также нашлась в магазинчике.

– Невеселые известия, правда? – Переключив рубильник, Арвид покачал головой, когда загудела система подачи топлива. – Утренняя. Я уже всю прочитал.

– Невеселые, – согласился Биргер. – Все как с ума посходили.

– Думаешь, рассосется?

– Не знаю. – Биргер пожал плечами. – В конце концов...

– По-твоему, раз мы у черта на куличиках, то никому до нас и дела нет, а? Знаешь, вот что я скажу, это и наша планета. И что бы они там себе не напридумывали, нас это тоже касается. И нас, и вас, и наших детей. Да.

Биргер сложил газету и ждал, пока бак наполнится. Агнета снова дремала в машине. На безопасном расстоянии от колонок курила Вендла. Налетавший ветер трепал ее распущенные русые волосы, отгоняя от лица бледный сигаретный дым. Через дорогу взгромоздившийся на ограждение Харек, выступая по металлу куцей палкой, покрикивал на пасущихся неподалеку овец.

Высоко в небе кричали птицы.

Стояла ранняя ветреная весна и семья ехала к бабушке.

* * *

Эхо принесло отголосок звука.

Нужно было спешить.

Вброд не хотелось, да и черт его знает, что там подцепишь, в этой жиже. Пусть счетчик молчал и после царапины на руке уже поздно было об этом думать, но и усугублять не хотелось, ведь он еще не дошел.

Человек посмотрел на экран прибора. Вымокнуть хоть и в туннеле, но в самый разгар зимы – ситуация не из лучших. Нужно было что-то еще, вот только что?

Посветив вокруг, человек пошарил лучом по потолку и наконец заметил навесной грязный короб светофора, безжизненной линзой-цикlopом уставившийся в пустоту.

Вот оно. Но из чего сделать крюк?

По дороге тут и там попадались разбросанные в туннелях остатки автомобилей. Где-то растасканные практически полностью, и о них напоминали лишь груды бесформенных костей, завернутых в лохмотья и сваленных на асфальте. Местами столкнувшись, смятые, подобно своим хозяевам метавшиеся в подземных кишках первые недели после войны, пока окончательно не стало ясно, что не спастись. В одном туннеле путнику вообще пришлось перелезать через две машины, между которыми втиснулась третья, образовав преграду для остальных. Это был самый крупный затор, встретившийся на пути и превратившийся в одну общую могилу. Склеп на истлевших, вросших в асфальт колесах.

Человек карабкался, стараясь не смотреть внутрь, хотя под слоем пыли и грязи сквозь стекла ничего невозможного было разглядеть. Он поблагодарил время за это.

В одном месте встретился перевернутый на бок молочный фургончик, одна из стенок которого была искромсана в мочало, будто ее кто-то терзал. Лохмотья металла висели и закручивались, словно древесная стружка, снятая рубанком. Вокруг густел резкий запах, словно некий ориентир, обозначающий чью-то территорию.

Человек обошел место через технический коридорчик, соединенный с вентиляционной шахтой. По всей видимости, тут был выход на поверхность, следовательно, он находился под одним из небольших островков. А значит, уже близко.

⁶ Ливия, Ирак, Йемен, Сирия.

И вот новая преграда. В луче фонарика на другом берегу лужи виднелись несколько автомобилей. Путник постоял, раздумывая, потом вернулся немного назад и принялся шарить в останках одной из легковушек, разбросанные железки которой уже не представляли ни для кого интереса, а вот для его задумки сгодиться могли.

Ему нужно было нечто, способное заменить крюк, или вроде того. Ненадолго, всего на пару секунд. Должно хватить. Наконец, одна из железок вроде как оказалась более-менее пригодной на вид. То ли часть решетки радиатора, то ли что еще из внутренностей растирсанного двигателя, все равно. Главное, чтобы держало.

Не снимая рюкзак, мужчина развязал веревку на пояссе и, размотав, открепил пустую бутылку. Привязав один конец веревки к обнаруженной детали, он зацепил ею кусок арматуры, торчащий из стены, и изо всех сил потянул на себя, стараясь проверить максимальную прочность. Вроде держала. Но потянет ли его вместе с рюкзаком?

Откуда-то издалека, из глубины туннеля, снова донесся звук.

Хрен ли. Не до проверок. Он максимально подзарядил фонарик и закрепил его поверх шапки на ремешке.

Подойдя к краю лужи, мужчина примерился и, несколько раз раскрутив самодельный хват, попытался запустить его так, чтобы достать до нижнего яруса светофора, где по обе стороны торчали «рожки», предназначавшиеся когда-то под крепления для камер.

С первого раза не получилось и железка звонко шлепнулась в воду, сразу пойдя ко дну. Подтянув ее, мужчина повторил попытку, на этот раз стараясь не торопиться и целясь как можно лучше.

Зряк! Есть!

Подергав, сначала осторожно, чтобы не соскочило, потом посильнее, мужчина сделал несколько шагов назад, освобождая место для разбега, и ринулся вперед, успев поджать ноги, когда почва ушла из-под ног.

Полет занял чуть больше секунды. Он почти одолел злополучное препятствие, когда под потолком затрещало и вскрикнувший человек плашмя рухнул в воду, с размаху приложившись подбородком об асфальт у противоположного края лужи. Чудом не потеряв сознание, он забарахтался, глотнув при этом воды, пока сверху с шелестом падали куски светофора.

– Дьявол!

Выбравшись из лужи, он откашлялся и перекатился на спину. Некоторое время лежал, стараясь прийти в себя и перевести дыхание. Потом ладонью вытер воду с бороды и лица. Наглотался… Все-таки наглотался! Проклятая сука вырвала свой смертельный поцелуй. Черт, черт, черт!

Он судорожно нашарил коробочку с медикаментами, которые успел собрать в поход. Конечно же. Ничего. Пусто.

– Вот дермо… – Он отбросил бесполезную емкость в сторону.

Так. Соберись, без паники. Еще рано. Глотнул, и что. Может, она и не заражена вовсе. Счетчик молчит. Пока. Но вкус, оставшийся после маслянистой воды во рту, был странным, неживым, а невольное соприкосновение с влагой только еще больше раздразнило измученный организм. Язык словно обернули пленкой. Жажда с новой силой дала о себе знать. Спохватившись, он только тут понял, что оставил отвязанную бутылку на той стороне. Это все усталость, жажда, вымогательство и нервы. Ругаться не имело смысла, ведь винить он мог только себя.

Мужчина поднялся и посмотрел на воду, поверхность которой уже успокоилась и снова приобрела ровный иссиня-черный оттенок. От светофора под потолком остался только куцый полусогнутый штырь с огрызками кабелей.

Сколько же он наделал шума, пока барахтался. Да еще светофор… Хорошо, фонарик не разбил.

Подняв веревку, конец которой лежал тут же – при падении он не выпустил его из рук, – потянул ее, но та не подалась. Видно, зацепилась за что-то на дне или запуталась в останках светофора.

Датчик в кармане комбинезона тихонько щелкнул.

Прислушавшись, мужчина перестал тянуть веревку и кинул взгляд в темноту другого берега лужи, откуда пришел.

Кап… – знакомо отдавалось под сводами. Кап… Смерти было мало. Его снова приглашали напиться.

Кап.

Вдох.

Кап.

Выдох.

Кап.

– Хр-р-р-ш-ш-р-ч-ч…

Не показалось.

Возиться с веревкой не было времени. Он для уверенности подергал ее снова. Один раз, второй. Не дается. Жаль. Делать нечего, нужно спешить, как-нибудь обойдется. Сейчас от его действий зависели жизни многих людей. Да чего там людей – целой общины.

Если еще не поздно. Так, не думать!

Поправив рюкзак, мужчина потрусиł вперед, подсвечивая дорогу фонариком. Вскоре мечущееся по асфальту пятно растворилось во тьме.

Лужу, в которой догорала палочка ХИС, с мягким плеском стало пересекать что-то грузное и большое, подмяв палочку под себя и сдвинув в сторону заскрежетавший остов машины.

Часть I Земля обетованная

Глава 1 Караван

Брошенный город проплывал где-то внизу.

Медленно. Словно призрак.

Его было почти не различить. Лишь почувствовать. Уловить.

Вдалеке застыли громады небоскребов, шпилями, словно пальцами, стараясь дотянуться до волшебных далеких лучей. Ниже – верхушки ратушей и соборов, многочисленные телесигнализаторы и радиоантенны, будто разбросанные тут и там морские ежи. Далеко-далеко внизу при желании можно было разглядеть прямые линии улиц и проспектов, закрученные «рогалики» автобанов и даже просторное поле аэропорта с уснувшими на нем самолетами. Все мутное, переливающееся всевозможными оттенками бирюзового, голубого, лилового, синего – там, где свету еще хватало сил бороться с наступающей из глубин непроглядной чернильной тьмой.

Город не был жив, в то же время не был и мертв. Его окутывала тишина, изредка нарушенная лишь тягучими перемещениями толщи воды. Течений и крупных хищников здесь не было, и стайки рыбок, изредка пугающиеся косяков побольше и покрупнее, спокойно сновали между отражениями силузтов застывших исполинов.

Как назывался этот город? Как когда-то давно звучало его имя? Какие к нему вели дороги? Сколько было в нем жителей и какими они были – богатыми или бедными, злыми или добрыми… Жили в мире и благополучии, или шли на соседей войной? Был ли это разудалый притон веселых беспечных кутил, а может, напротив, благородная мекка ученых? Какая кара пала на них… Почили они в нищете или под весом собственного величия? Что это был за жребий? Какую карту они вытащили у Судьбы?

Не все ли равно сейчас… В тот миг Конца все были одинаково беззащитны и обречены, всем выпала общая участь. И каждый испил эту чашу до дна, испепеляя рукотворным ядом душу и отравляя тело. Их следов не осталось, имена и судьбы давно забыты. А город – вот он, застывшим мгновением продолжает плыть в вязком течении времени. И как же это завораживающе!

Здесь свободно дышалось. Точнее, она об этом просто не думала. Куда занимательнее было смотреть по сторонам. Разглядывать всю эту давно покинутую, предоставленную себе и времени спокойную красоту. Чарующее обаяние разрушения нестерпимо манило и притягивало. Даже уничтожая, человек умудрился сотворить что-то прекрасное. Вот только увидеть это ему не суждено. Что ж, может, оно и к лучшему.

Девушка посмотрела на свой длинный рыбий хвост, оканчивающийся красивым раздвоенным плавником.

Но почему она здесь одна? Где остальные?

Девушка огляделась. Кажется, она улавливала кавитацию.⁷

Так и есть. Все четче вырисовываясь, к городу приближалась подводная лодка, массивной спиной ловя на себе мерцающие пятна света, словно хищная рыба перед нападением. По очертаниям трудно было определить, какому государству она принадлежала. Да и откуда вообще ей здесь быть? Сейчас?! Кто управляет надвигающимся железным чудовищем?..

⁷ Звук выходящих из-под винтов пузырей воздуха.

Звуки становились отчетливее. Но что это...

С обеих сторон, следуя одним курсом с ней, субмарину окружали русалки, несколько десятков. Будто сияющие, ослепительно, смертельно красивые. И теперь можно было отчетливо различить, что они пели. Тонкие, чарующие голоса мелодично звучали в унисон без единого слова.

Лодка почти поравнялась с ней, и девушка поняла, что должна присоединиться к подругам, но в этот момент словно кто-то постучался в самое сердце. Тревожно озираясь, она посмотрела наверх и различила темное пятнышко на поверхности. Неведомая сила подтолкнула вперед.

Туда!

А там бушевал страшный шторм. Освещавшего подводный город солнца как не бывало. Лодочонка с родителями металась по волнам, с которых ревущий шквал срывал кольца пен. Мама снова сигналила цветастым платком, а отец кричал, сложив ладони рупором.

На этот раз она точно успеет! Должна успеть!

Девушка гребла изо всех сил, сопротивляясь волнам и налетавшему ветру. Но вот из пучины поднялся чудовищный бородач Вильсон с пылающим взглядом и занесенным зазубренным тесаком.

– Нет! Подождите! Не надо...

Капитан с хохотом вонзил оружие в заслонившего мать отца, а Лера вздрогнула и, проснувшись, открыла глаза.

Она лежала в кровати одна. Часы на стене показывали раннее утро, Мигель с остальными давно был на стройке. Приснится же такое. Кошмар с каждым разом становился все красочнее и изощреннее. Когда же он, наконец, оставит ее... Откинув одеяло, Лера села, свесив ноги на пол и потянулась, вдыхая тонкий аромат цветка, кадка с которым стояла на подоконнике.

Опять вчера не дождалась, уснула. Вот пахнет кровать мужиком, а где он, этот мужик? Интересно, догадался подогреть завтрак или, как всегда, похватал не глядя, думала Лера, натягивая джинсы и звякая пряжкой ремня. Ничего, не маленький. А если не догадался, холодненьского поест. Она ему не нянька, хоть и жена.

Расчесав рыжие локоны и собрав их в хвост, девушка натянула свитер, шапку и зашнуровала в прихожей ботинки.

Крыльцо времянки встретило сумерками, морозный с ночи воздух жадно облизал щеки. На горизонте между холмами тонкой полоской едва занимался рассвет. Где-то, хрюпло прокукарекав, проснулся петух и в хлевах, блея, хрюкая и мыча, деловито зашевелилась скотина. Прикрыв дверь, Лера спрыгнула со ступенек и пошла по дороге к ограде из частокола, затем через небольшое поле с выполосканным тростником-сухостоем мимо одинокого пугала в облезлом ватнике и слепом противогазе под ветхой соломенной шляпой и дальше, в сторону леса, куда уже не доставали кабеля-щупальцы, тянувшиеся от «Грозного».

Когда беженцев из Пионерской колонии с грехом пополам кое-как удалось расселить на первое время, местный Совет собрал всех инженеров, механиков и прочих, кто в той или иной степени понимал в технике, включая самих подводников, и поднял вопрос о судьбе реактора лодки. Было ясно, что корабль совершил свое последнее плавание, выполнив, пожалуй, самую важную задачу за все время существования – вывез российскую общину из зараженных земель. Плыть больше было некуда, да и незачем, поскольку ресурс того же «Дракона» в сотни раз превосходил возможности субмарины, и кто знает, сколько еще таких плавучих крепостей путешествовало по планете. Словом, теперь как-нибудь без нас. Так что следовало думать о насущном, здесь и сейчас.

На сколько еще хватит запаса хода реактора, было неизвестно. Достоверно и точно сказать не мог никто, даже уцелевшие члены команды «Грозного». Но в могучих жилах гиганта еще пульсировала драгоценная кровь, и это нужно было использовать, потому принялись за

работу незамедлительно. Не жалея сил, тащили со всего острова, кто что мог: кабели, запчасти, детали, скившие генераторы, разобранные ветряки и электростанции. Некоторую мелочевку выторговали у блуждающих по архипелагу ходоков. Каждый понимал, что такого драгоценного подарка больше не будет.

И вот спустя какое-то время селение и некоторые необходимые прилегающие территории переплетающимися венами опутали кабели, тянущиеся из уранового сердца «Грозного». Основные линии проложили до нескольких подстанций на берегу, собранных не без помощи запчастей, оставленных корейцами. В свою очередь, от них разбегалась сеть побольше – к трансформаторным вышкам, питавшим дома, фермы, генераторы и ветряные с зерновыми мельницами. Полностью наладить освещение улиц и жилищ не удалось, но никто не роптал – местные давно привыкли к живому огню, а русские прекрасно понимали, что энергию драгоценного реактора нужно беречь.

Так морской исполин, гордо окрещенный именем грозного российского царя, встав на вечный прикол, продолжал служить людям, и не только в мирных целях – на борту лодки до сих пор оставалась часть нерастрченного боекомплекта, включая оружейку с определенным количеством цинков и внушительный склад, доверху наполненный запасами с «Дракона». В общем, жизнь налаживалась, лишь бы руки откуда надо росли.

Остановившись на холме у кромки леса, Лера посмотрела в подернутую дымкой долину. Поискав среди россыпи новых застроек, выделявшихся на фоне местных обжитых домов, высмотрела незаконченную луковицу церквишки, о которой с самого начала мечтали Птах, Мигель и пионерский батюшка, приплывший вместе со всеми и венчавший Леру. Утренний ветерок доносил перестукивание топоров и визг пил. Работали. Как их обозвал Батон, пи-ли-гри-мы, кажется. И откуда он столько всего помнит? Записывать, что ли, начать, а то мало ли, где еще такое услышишь.

Поправив шапку, Лера потрусила по выющейся тропинке в лес. Маршрут был привычный – несколько живых препятствий в виде поваленных бревен, пенящийся Чертов ручей, который требовалось форсировать по причудливо раскиданным валунам и корням, ямы-ловушки, спускающиеся с деревьев веревки, устроенные наподобие тарзанок, и мишень, в которую нужно сходу метнуть «клен». В этот раз почти попала в размалеванный красный центр.

Поворачивая в овраг у громадного Мертвого пня, Лера неожиданно споткнулась и, рухнув, пропахала землю, зарывшись носом в гнилой дерн. Убедившись, что все конечности целы и она отделалась только поцарапанным носом и испачканными джинсами, Лера отплевалась от попавших в рот листьев, поднялась и, подобрав слетевшую при падении шапку, вернулась по тропинке назад. Присев на kortочки, подергала пальцем тонкую проволоку, натянутую в нескольких сантиметрах над землей и умело укрытую жухлой травой.

– Ну, дядя… М-м-миша, – отряхивая шапку о штанину, мстительно процедила Лера.

Вернувшись в дом, она поставила в печку чайник и быстро переоделась, натянув старенький спортивный купальник, сохранившийся еще со времен неудачных тренировок в Убежище, которые едва не стоили ей жизни. Надо было не парнями в озерце у лодки любоваться и не на ферме косить, а горбатиться, как все. Но тогда умение плавать казалось абсолютно бесполезным. Как выяснилось со временем, чем больше знаешь, тем выше шансы сохранить целой шкуру.

Лера босиком вышла на задний двор, зябко переступая по примятой траве. Над горизонтом медленно поднимался диск бледного солнца, и обесцвеченный за ночь мир снова начинал обретать краски. Стылый воздух слегка потеплел, день обещал быть ясным.

Это была еще одна обязательная часть программы тренировок старого охотника. Чтоб Батона с его наказами!.. Выбралась на поверхность на свою голову.

Лера поначалу принялась возмущаться, стремясь привлечь на свою сторону Мигеля. Но муж неожиданно поддержал идею, даже прочитал за ужином небольшую лекцию о пользе процедуры, чем заставил девушку пару дней дуться и размышлять, обидеться всерьез или нет.

После принудительного первого раза, сопровождаемого плеском, визгом, руганью и мужским хохотом, обливаться на свежем воздухе ей, признаться, действительно понравилось. Ей вообще все здесь нравилось, хоть тоска по дому еще кусала сердце и, возможно, не оставит ее никогда.

Дойдя до колодца, девушка скинула с шеи полотенце, вставая на грубо сколоченный деревянный настил. Помедлив и набрав воздуха, опрокинула на себя один за другим два ушата ледяной воды, специально оставленных с вечера.

— Ух-х! — Лера зачесала волосы назад и принялась растираться полотенцем, чувствуя, как под кожей стремительно растекается жар.

— Доброе утро! — Показавшийся из-за угла дома Юрик оперся о деревянный заборчик. — Что делаешь?

— Привет. Зарядку.

— Заболеешь же! — испугался мальчишка.

— Не боись, — подражая его манере, ответила Лера. — На выпас?

— Угу.

— Хей, Зверик!

По прибытии на острова жители Пионерска не сидели без дела. Работа помогала быстрее сблизиться с местными и легче переносить адаптацию на чужой земле и в незнакомом климате. Большая часть переселенцев не видела неба почти двадцать лет — они плакали, смеялись, боялись, но учились жить заново. Пополнилась местная библиотека, школы и детский сад. Рукастые сразу нашли себе ремесла и занятия по вкусам и умениям, не остались в стороне и старики — ленивых и неумех в покинутом ныне бункере ВМФ не водилось.

Молодежь тоже участвовала как могла. Юрик среди прочих вызвался пасти одну из многочисленных овечьих отар, чем чрезвычайно гордился — грудь колесом, разве что не лопался от важности. Обитатели Фарер только посмеивались в ус. Уходить далеко новоиспеченному пастуху запрещалось — пока мальчик осваивался, отара всегда была на виду.

Зато в помощники мальчишке подарили щенка бухунда, которого находившийся на седьмом небе от счастья Юрик незатейливо окрестил Зверик. Щенок мужал, но еще не «вошел в холку», и выглядела эта парочка подростков — человек и собака — весьма подходящими друг другу.

— Реально простудишься, — озабоченно предостерег мальчишка. — Еще твой заругается.

— Мой?

— Муж.

Ах, это он про Мигеля, поняла девушка. Сразу после свадьбы отношение Юрика к ней заметно изменилось. Если раньше они запросто могли посмеяться над какой-нибудь шуткой или повспоминать совместные проделки, то теперь мальчишка явно замкнулся. Но появлялся в самый неожиданный момент, стоило Лере и Мигелю остаться наедине, словно подкарауливал их. При этом старательно избегал называть мужа по имени, хотя Мигель хорошо к нему относился и пытался подружиться. Продолжая растираться, Лера отметила, что перестала стесняться младшего приятеля. Время? Или замужество? Господи, Юрка же еще ребенок. Да нет, какой он нафиг ребенок. Вон, догонит скоро уже. И неужели он думал… А вот, получается, думал. Чего еще стоило ожидать, когда они все время маячили друг у друга на виду. Считай, выросли вместе.

— Все еще ревнуешь?

— Чего сразу «ревнуешь», — смущаясь Юрик и, насупившись, поправил пастушье кепи. — Так. Просто. Холодно же.

– Забей. Не сахарная, не растаю. Дядя Миша заставил.

Поначалу Лера жутко боялась слечь, даже почувствовала, как начинает першить в горле. Но после жгучей рюмки перцовки, «для профилактики» налитой дедом и словно наждаком ободравшей нутро, желание выискивать у себя болячки резко отпало.

«Это все пси-хо-со-ма-ти-ка», – усмехнулся Батон, постучав пальцем ей по лбу.

И Лера послушалась, испугавшись непонятного слова. Еще не хватало заразы с непроизносимым названием. А через пару дней действительно ощущила прилив сил, который особенно чувствовался после тренировки. Век живи, век учись.

– Ну, ему виднее. – Юрик посмотрел на далекую кромку леса. – А тут муты есть? Говорят, ты их видела.

– Тебе зачем? – улыбнулась Лера, ставя ногу на бортик колодца и вытирая голень.

– Вы же не зря с Батоном снова тусуешьесь, – ответил Юрик и как бы между делом ввернул: – Да и не помешает знать о возможной опасности, я ведь пастух, мало ли. Позавчера первую овцу постриг, круто, да?

– Круто, – согласилась Лера. – Бррр! Все, замерзла.

– Ладно, увидимся.

– Давай.

– Пока.

Юрик окликнул Зверика, а Лера побежала в дом. На крыльце она помедлила, глядя на удаляющегося мальчика и носящуюся вокруг него собаку. Юрик что-то неумело насвистывал, помахивая погонной палкой, на его плече покачивалась сетчатая котомка с молоком, луком, куском овечьего сыра и краюхой хлеба, которые собрала мать.

Может, это действительно дом, подумала Лера, и в мире есть еще места, где мальчик и собака могут просто идти по нормальному полю под чистым небом, дыша чистым воздухом, чтобы пасти нормальных овец. И не думать, когда их съедят или окончательно одолеет тубер или цинга. Нет никакой войны, горя, радиации, чудовищ и бесконечных смертей. Все живы. Это был просто длинный, отвратительный горячечный сон. А теперь они все проснутся.

Конечно, здесь не совсем чисто, но все-таки.

Лера оглянулась на пеструю россыпь крыш в долине, из труб которых тут и там поднимался сизый дымок. Может, действительно все было не зря. Она улыбнулась. Как будто так было всегда, и она с рождения жила свободным человеком. Только сейчас Лера по-настоящему поняла, чего была лишена все эти годы. Все они, все человечество. Обычной замечательной простоты, для уничтожения которой потребовалось создавать сложные и чудовищные машины. И как здорово, что среди этих осколков еще что-то осталось. Пусть маленькое и не всем доступное, зато настоящее.

Из деревни долетел перезвон колокола, и девушка скользнула за дверь.

К маяку подошла, когда совсем рассвело. Батон, конечно, уже дежурил.

– Завтрак!

– А вот и наша попадья, – приветствовал охотник, когда Лера с Чучундрой на плече выбралась на обзорную площадку.

– Я же просила, – нахмурилась девушка, снимая рюкзак.

– Так я чин по чину, Степанова-Санчес. Назвалась груздем, полезай… Здорово, хвостатая.

– Ешь, пока теплое. – Вытащив из рюкзака снедь, девушка села на скамью рядом с Батоном. На коленях у него лежал бинокль, расчехленная СВД была прислонена к стене рядом.

– Благодарствую. Я только вечером домой забегал. Димон сейчас на стройке с остальными, а Женька знает, что ты есть, в случае чего.

– Новостей нет?

Взяв котелок с дымящейся кашей, охотник покачал головой.

– Как успехи?

– Навернулась в овраге у Мертвого. Растворка, представляешь? И откуда она только взялась.

– Растворка? – Батон удивленно почмокал губами. – Вот новости, ничего себе.

– Не в курсе?

– Кто – я? – Охотник невинно указал вилкой себе на грудь. – Понятия не имею.

– Ну-ну.

– Доросла, значит… ловушки на нее ставят. Растворка, хе. Эва как.

– Джинсы замочить пришлось. У меня, между прочим, всего одна пара.

– Вот и не зевай в следующий раз. Природа и враг никогда не действуют, как тебе хочется.

А теперь это одно и то же, даже здесь.

Устроившаяся рядом Лера развязала небольшой кулечек.

– Без своих хрустелок никак, – жуя кашу, усмехнулся Батон. – Хоть что-то без изменений.

Местные грибы, включая шампиньоны, в сущеном и сыром виде, несмотря на удивление Милен, Лере не нравились. Особенно после случая с Паштетом и Треской, когда те обожрались на набранных черт знает где зеленых «масляток» и полночи ставили селение на уши.

В местной библиотеке исправленный и дополненный уже после Войны справочник грибника имелся, но у девушки никак руки не доходили разобраться. Она ждала, когда разродится мицелий, привезенный из Пионерска на камбузе «Грозного», а пока его заменяли семена шишечек вперемешку с хлебными сухарями.

– Не пригорела?

– Норм, спасибо.

Они сидели, любуясь панорамой залива и поселения внизу. Чуть в стороне кипела работа – к владениям «Братства пара» общими усилиями пристраивался новый «район», как в шутку его называли сами прибывшие.

– Как в старые-добрьи, Веснушка?

– Только буренок не хватает.

– Или живности какой. Помнишь Мать?

Как же. Та еще охота была. На левой ноге под джинсами и носком лодыжку, извиваясь спиралькой, опоясывала короткая вереница покрасневших точечек, следов пуповины детеныша убитого Батоном чудовища. Памятка на всю жизнь. Татушку, что ли, набить? Цепочку или колючую проволоку. Лера видела разные и красивые у некоторых местных девушек, значит, умельцы водились.

– Скучаешь?

– Не знаю, – помолчав, ответила Лера.

– Остепенилась, так больше в поле не тянешь? Не ходите, дети, в Африку гулять.

– Не надо про Африку, – тихо попросила девушка, пощекотав пальцем Чучундру.

– Смотри, я отпустить могу. Буду новую смену…

– Я что теперь, за люлькой и пеленками сгинуть должна? – не выдержав, вспылила Лера. – Замуж вышла, значит все, кончилась??!

– А можно поздравить? – Батон нарочито удивленно посмотрел на впалый живот соседки, скрытый под свитером, но встретив ее взгляд, примирительно расхохотался. – Да ладно, ладно ты! Шуток не понимаешь. Собралась она у меня. Ага, щаз-з.

– То-то. – Лера захрустела сухарем.

– Как у вас вообще?

– Последние дни почти не видимся. Он домой – я сплю, я встаю – его уже нет. Приготовлю, постираю что есть и к тебе.

– О быт, о времена! Килотонн всем в жопу, а шарманка та же, – фыркнул Батон.

– Кто? – не поняла Лера.

– Тебе вот точно сопливого для полноты не доставало. Ладно, не кисни. – Видя сникшую девушку, вертевшую между пальцев сухарь, охотник легонько толкнул ее в плечо. – Дай ты им достроить, намилуетесь еще. Вся жизнь впереди. Куда гонишься.

– Я не гоню. Просто...

– Что?

Лера помолчала, пожала плечами.

– Не знаю.

– Любишь?

– Люблю.

– Муж?

– Ну да.

– Вот и проехали. А то нате вам, мужик на работу каждый день, праведник, умник-красавец, хотя как посмотреть, а она недовольна еще.

– Еще б зарплату приносил, – буркнула Лера.

Через секунду оба захочотали, напугав пискнувшую мышь.

– Ну даешь, мать. – Батон потер кулаком глаз. – Ничего, мы с тобой еще попляшем.

– Надеюсь. – Лера подняла голову, оглядывая большой цилиндр выключенного прожектора.

– У нас какая-то нездоровая любовь к средствам дальнего оповещения прибрежного типа, – поймав ее взгляд, хмыкнул Батон.

– И к подлодкам, – хихикнула Лера.

– Точно. Но на этот раз точно конечная.

– Жалеешь?

– Я-то. Да ну нахрен, эскьюзэ ма франсэ. Хватит с моей жопы приключений. И так насмотрелись по самую маковку. Там жрут, тут стреляют или вообще ко дну. Хотя... Конечно, жалею. Но теперь. Женя и Димка. Спустя столько лет, понимаешь.

– Понимаю.

– Между нами это ничего не изменит.

– Все хорошо, – успокоила Лера. – Я рада за тебя. Правда.

Со стороны стройки донесся громкий лязгающий звук, как будто обрушилось что-то массивное и металлическое. С нескольких крыш темными пятнышками поднялись спугнутые то ли олуши, то ли чайки.

– Глянь-ка, что у них там. – Лера взяла у Батона бинокль и поднесла окуляры к глазам.

* * *

Караван с Сандура ждали давно. Еще с Нового года, но соседи почему-то задерживались, хоть имели в своем распоряжении вместительный добротный паром на угольной тяге. Конечно, принимая в расчет расстояние и январь на дворе, пусть и не самый холодный, в этот раз он шел как-то особенно долго. Не случилось ли чего? Впрочем, основная часть общин островов постоянно поддерживала друг с другом связь через маяки, морзянку, почту с гонцами – но, разумеется, в крайних случаях – и все теми же кочующими караванами. О ЧП все давно были знали. Но календарное время наступило, вышло, а соседи не жаловали.

«Стальные землекопы» – так называлась община, обитавшая на Сандуре. Ее жители славились на весь архипелаг разработками новых удобрений, средств для поддержания и обогащения грунта для лучшей всхожести, а также производством и ремонтом систем для укрепления сводов гротов, пещер, бурения колодцев и предупреждения плавунов.

В селении и бухте, куда обычно причаливали сандурцы, выставили дозорных, дежуривших посменно. Явных причин для этого не было, практически все общины на архипелаге жили в относительном мире, руководствуясь простой формулой – чем продолжительнее и надежнее взаимовыгодные отношения, тем дальше ты протянешь. Помогай другим и помогут тебе. К тому же остров члены «Братства» знали наизусть, включая известные входы в туннели и те, что скрывались в разросшихся лесах и считались заброшенными. Незваных чужаков оттуда не ждали уже много лет, но сейчас дежурных поставили, правда, только днем. Мало ли.

И все-таки появление на Фарерах «Ивана Грозного», а затем и «Черного Дракона», а также последовавшие за этим события с Хранилищем Судного дня не остались незамеченными. Многие не верили, списывая все на слухи, потому что к моменту, как добрались на Сувурой, «Грозный» был уже на полпути домой, в Пионерск.

Но когда лодка вернулась, привезя с собой целую общину, и стало понятно, что больше в море никто не пойдет, пересуды возобновились с удвоенной силой. Большинство просто чесало языками, но находились и те, кто завидовал неслыханной удаче, свалившейся на Сувурой. И завидовал недобро. Правда, сделать ничего конкретного не мог за неимением достаточного количества людей и преобладания страха перед могуществом загадочных иностранцев и их пережившего на столько лет войну атомохода.

Этому способствовали и пересказы приключений команды «Грозного» в разных уголках света, которые разносились все теми же караванами и по мере распространения по Фарерам дополнялись все более и более невероятными подробностями. В конечном счете эти истории сначала из пересказов стали слухами, затем байками, потом в некоторых местах превратились в легенды и обросли такими невероятными сюжетосплетениями, что некоторые старики на окраинных островах стали почитать «Грозного» и его обитателей как неких мифических порождений послевоенного фольклора.

В куларах руководящих верхушек гуляли мысли и даже открыто высказываемое недовольство в адрес лидера сувуройского «Братства» Вальгира Турнотура, якобы ни с того ни с сего присвоившего лодку единолично себе. По какому праву? Некоторые старейшины даже объединились, сколотив посольство в столицу Фарер Торсхавн, и пришли на поклон к верховному правителю Ульриху Семиброку, чтобы он рассудил ситуацию. Но тот, помня историю с «Драконом» и Хранилищем, когда лодка и танкер вроде как выступили заодно, не спешил делать выводы и принимать необдуманные решения.

Несколько раз в селение проникали лазутчики, но их быстро ловили, да и причинить какой-либо очевидный вред они никак не могли. Но на момент проведения энергетических кабелей с лодки случилось несколько диверсий, и Турнотур все-таки решил выставить дозоры.

Батон от чего-то делать пошел добровольцем. На стройке рук хватало, в «высоких материалах» механики, необходимой для обслуживания энергосети, он не шарил ни бельмеса, живность поблизости и в лесах была не слишком опасна, а значит, не представляла для него никакого интереса. Чтобы хоть как-то себя занять, охотник напросился в смотрящие, вдобавок оружие свое у него имелось, да и старый маяк на южном холме он приглядывал еще в первое посещение островов. Карты легли наилучшим образом. Старая вышка работала, а заглядывавшая навестить Лера с Чучундрой еще больше напоминала охотнику о покинутом доме.

Вот только жизнь текла своим чередом, стройка двигалась, а ни лазутчиков, ни каравана не было ни видно, ни слышно, и Батон понемногу снова начинал хандрить.

– Если так дальше пойдет, хоть в горы иди на голой жопе медитировать, – ворчал охотник, обшаривая в бинокль близлежащие окрестности.

Из развлечений остался только фёркей⁸ да тренировочный маршрут Лерки, где он периодически подстраивал ей всевозможные кунштюки. Пускай тренируется, нарабатывает. Хоть

⁸ Фёрайар+хоккей. Фёрайар – так по местному называют Фареры.

какая-то польза от этих чащоб, в которые по-прежнему строго-настрого запрещалось соваться с наступлением темноты.

Время шло. Заготовленные для торговли и мена припасы грозили вот-вот начать портиться, но на береговом посту была тишина.

Соседи с Сандура заставляли ждать.

* * *

Они появились глубокой ночью.

Со стороны бухты донесся отдаленный звук рожка, который стали передавать от поста к посту, пока в селении низко и монотонно не заговорил колокол. Паром с соседнего острова прибыл.

Дремавший Батон клюнул носом, зашевелился под накинутым плащом и осмотрелся. Мощный луч прожектора по договоренности был в сторону моря, а сам охотник кемарил ярусом ниже с противоположной стороны. Не важно, кому и для кого, но раз маяк стоит и энергии пока в достатке, сигнал нужно посыпать, решили островитяне. Нередко его использовали и для освещения селения – яркий мощный луч накрывал ослепительным светом все вокруг, когда того требовала необходимость.

– Да неужели?

Через какое-то время в ущелье между холмами, соединявшими территорию «Братства» с бухтой, один за другим замерцали факелы. Судя по количеству, не менее двадцати – столько удалось насчитать Батону; делегация на этот раз собралась внушительная.

– Ладно, поглядим. – Сбросив плащ на пол и надвинув со лба гогглы с защитными стеклами, Батон забрался в пультовую, направляя прожектор к выходу из ущелья. Потом закинул СВД за спину и загремел сапогами, быстро спускаясь по винтовой лестнице.

Потревоженное гудением колокола селение нехотя просыпалось, из домов показывались щурящиеся заспанные люди, кутавшиеся во что попало и прятавшие в ладони зевки. Недовольно подавала голос разбуженная скотина, лаяли пастушки псы.

– Караван приехал! Караван приехал! – нараспев щебетала высыпавшая из детского садика стайка детей, которых тщетно пыталась утихомирить молоденькая воспитательница, сопровождаемая рослым детиной, застегивающим на ходу штаны и заправляющим в них рубашку.

То и дело раздавались резкие короткие фразы через громкоговоритель – один из помощников старейшины, получив список от засланного к каравану мальчишки, руководил организацией расселения гостей, в то время как другая команда спешно готовила к открытию отработавший всего несколько часов назад самый большой кабак в деревне. Заново раздувались жаровни под шкварчащими румяными тушами, вскрывались хмельные погреба и грохотали столы. В светильники и лампы подливали китовый жир, несколько телег снарядили к овощебазе, послали к мельнице в хлебную лавку.

Уставших от ожидания суворойцев все-таки застали врасплох.

– Слышишь, – прошептала Лера, подняв голову с груди Мигеля и прислушиваясь к доносящемуся с улицы шуму. – Кажется, приехали.

Наработавшийся за день Мигель, вечером едва дотащившийся до кровати и на автомате проглотивший ужин, промычал сквозь сон что-то нечленораздельное и отвернулся – волосы Леры щекотали ему нос.

– Спи, я посмотрю. – Поцеловав его, девушка слезла с кровати и стала одеваться. В лукошке, набитом соломой, закопошилась Чучундра. – И ты сиди.

Караван действительно был большим. Возглавлял процессию массивный внедорожник со спиленной крышей и демонтированным двигателем, на месте которого на сваренной из арма-

тур сидушке устроился кучер, погонявший упряжку тянувших повозку лошадей. Сиденья из салона были вытащены, вместо них на специальном возвышении установили широкое кресло, перед которым с двумя телохранителями, раскинув руки в традиционной демонстрации мирных намерений, стоял высокий бородатый мужчина с непокрытой головой и в богато расшитой шубе. Это был предводитель общины Сандура Балдер Никалунд.

Следом за внедорожником выплясывала группа пестро разодетых скоморохов, дудками, бубнами и барабанами пытавшихся изобразить некий бравурный марш. На их головах красовались древние засаленные шапки спортивных болельщиков с сохранившимися местами бубенчиками, которые приводили в восторг тычащую в них пальцами детвору. Особенно ловкий актер с размалеванным краской лицом и надетым на голову чьим-то рогатым черепом на ходу жонглировал несколькими баклужами, искрящими зеленоватым пламенем.

– Смотрите! Смотрите! – захлебывалась восторгом ребятня.

Далее процессию продолжала восьмерка быков, волокущая на цепях, украшенных лентами, туристический автобус с наглухо заваренными окнами и одной-единственной дверью, больше напоминающий сейф на колесах. На крыше сидели несколько человек, державших автоматы на скрещенных по-турецки ногах. Это было сердце каравана – внутри находился приготовленный для мена и торговли товар.

За автобусом, поскрипывая, катилась повозка попроще, в которой лежало что-то бесформенное, плотно замотанное в перевязанную шпагатом парусину.

Замыкали процессию торговцы – мужчины, женщины и их охранники, держащие за древки ярко пылающие факелы.

– Олимпиада-34 в натуре, – хмыкнул Батон, присоединившись к охранникам Турнотура. – Великое посольство.

Яков тоже был здесь, готовый переводить остальным русским и корейцам. Протиснувшись сквозь толпу Лера, доверху застегнув куртку, встала рядом с охотником. Разглядев Олафа и Милен, кивнула им и улыбнулась, наблюдая суетящихся в запарке Паштета и Треску.

– Чего одна? – спросил Батон.

– Пусть спит. Успеется.

Пестрели костюмы, звучала музыка, чадили факелы, все возбужденнее гомонили окончательно проснувшиеся люди, наконец дождавшиеся гуляний в честь прибытия каравана. Соревнуясь между собой в достатке, что автоматически означало престиж, соседи любили пустить друг другу пыль в глаза. Судя по выражению лица вышедшего навстречу процессии в окружении свиты Турнотура, сандурцам это сейчас удалось. Огромный предводитель был роскошно одет, опирался на вычищенный посох и даже успел умастить заплетенную бороду щепотью благовоний; теперь же во всем этом великолепии, выйдя на заливаемое лучом маяка пространство, он ждал подъезда гостей.

Процессия приближалась и волнение нарастало. Наконец кавалькада замерла в десятке метров от Турнотура. Смолкла музыка, перестали скрипеть поводья, натруженные животные не издавали ни звука, и над площадью повисла тишина.

Стоявший в джипе Балдер Никалунд снова воздел руки – по традиции приветствие первыми начинали гости – и начал петь. Ему подпевали вставшие по бокам автомобиля менестрели.

*Нет краще земли в мире славной моей!
Я щедро богат, счастлив я жить на ней.
Прекрасен и в зиму и в лето порог
Родных островов, подарил что нам Бог.
Когда вас открыли, то дали вам имя –
Фареры, бог любит мой край!*

Обитатели Сувурая дружно подхватили гимн Фарер:

*Лучи солнца летом на пиках блестят,
Гнетут в зиму буйные бури наши взгляд.
О рьяное сердце, о духа полет
Нас объединяет в единый народ!
И с верою нашей стоим мы на страже
Фарер, будь спокоен мой край!
Склоняемся низко пред Божьим перстом,
Ты мир нам даруй, Боже, светлым лучом.
Очисть нас во славе, веди нас вперед
Сквозь грозы и пламя дерзая в восход.
Крепи дух отваги, чтоб высились стяги
Фарер, да, мы любим наш край!*

Пение закончилось, и Никалунд с помощью телохранителя стал спускаться с внедорожника под улюканье и аплодисменты собравшейся толпы. Ступив на землю, он поправил свои одеяния и направился к ожидавшему Турнотуру. После нескольких положенных дипломатии фраз предводители обнялись и расцеловались в щеки. Только когда они оказались рядом, стало заметно, что Балдер моложе.

– Сувурой приветствует «Стальных землекопов»! Рады вам, дорогие гости! – зычно, чтобы все слышали, провозгласил Турнотур, отказавшись от предложенного ему громкоговорителя. – На время пребывания на нашей земле вы находитесь в дружеском окружении! Наш дом – ваш дом! Пусть торговля и мен будут взаимовыгодными, а сделки крепкими, как рукопожатия. И да не омрачат Судные дни отары наших общин! И да хранит вас святой Олаф! А сейчас отдыхайте с дороги. Ешьте, пейте, устраивайтесь и будьте как дома! Нам не терпится услышать новости с других берегов! Да начнутся гуляния! Добро пожаловать!

Под приветственные крики и овации Турнотур повел Никалунда в харчевню, где их уже дожидались накрытые столы. Местные конюхи помогали кучерам, пока джип, автобус и повозку в сопровождении охраны отгоняли под специально заготовленный навес рядом с гаражами, возле которого предполагалось разбить шатры. Актерам указали место, чтобы освежиться и переодеться с дороги, а затем продолжить развлекать правителей на торжественном ужине.

– Да-а, это тебе не наши Пионерские ходоки, – усмехнулся протиснувшийся к Лере Ерофеев. – Ты, поди, и не видела такого никогда.

– Нет, – согласилась девушка и даже ощутила легкий укол обиды, ведь ей довелось столько всего повидать.

– А твой-то чего, проспал?

Может, зря она не разбудила Мигеля? Но он был такой измученный накануне, что, почти не жуя, закинул в себя ужин, на который она угropила целый вечер, и даже не помывшись, сразу повалился спать. На время пребывания каравана стройку приостановили, так что будет еще время им погулять и все посмотреть. Лера поняла, что сердится на деда. Ну проспал, и что? Чего они все до нее докапываются? Сам бы на стройке повкальвал, это тебе не в библиотеке сидеть. Это их семья, в конце концов. Сами как-нибудь разберутся. Без чужих советов.

– Да, он очень устал, – как можно спокойнее ответила она и помахала идущей навстречу Милен.

– Ладно, молодежь, вы как хотите, а мы – гулять! – хитро подмигнул Ерофеев.

– Точнее пить.

Лера посмотрела на его лицо. Еще по возвращении в Пионерск она заметила, что дед заметно похудел и осунулся. Конечно, это можно было списать на ситуацию в бункере, вызванную определенными лишениями из-за отсутствия лодки. Многих знакомых тогда трудно было узнать. Люди были болезненны, измождены, кидались друг на друга по пустякам. Да и устранение Ерофеева из Совета с последующим восстановлением не прошло для него без последствий, возраст все-таки. Да и Пионерский Совет здесь по сути не нужен был. Выдвинули нескольких представителей к местным, на том и ладно. Все же теперь друг у друга под боком, семья, считай. Много они сами по своим избам нарещают-то... К порядкам бы привыкнуть.

С возвращением «Грозного» дед оживился, природа островов и атлантический воздух сделали свое дело. Старик небось уже и не думал снова когда-нибудь увидеть такое небо, холмы, луга, океан. Да и свадьба Леры с Мигелем на какое-то время явно отвлекла его от своих мыслей. Девушка видела, что что-то не так, но Ерофеев каждый раз соскачивал с темы. Бабе Дине и ее товаркам тоже ничего не удалось выведать, как Лера к ним не подкатывала. Хотела даже попросить мужа пригласить деда на исповедь, но Мигель нахмурился и осадил ее, напомнив о неразглашении таинства, да и церковь была не достроена. Само, глядишь, образуется.

Образуется, как же.

Вот и сейчас явно невыспавшийся Ерофеев не желал отставать от остальных.

– Шел бы лучше домой.

– Но-но, дочка. Не бузи. Тебе не к лицу. – Дед закашлялся и поднес к губам мятый платок, вытирая их.

– Дело твое. Простыл?

– Фигня, до свадьбы заживет, – отмахнулся Ерофеев и хихикнул. – Ой, так была ж ведь уже. О старый лунь.

Лера проводила его взглядом, отвернулась и заговорила с подошедшей Милен.

Толпа на площади постепенно рассасывалась, люди расходились кто по домам, кто в кабачок поскромнее, не упуская повода опрокинуть стаканчик за гостей. Собравшиеся на шум встревоженные корейцы отправились обратно на лодку. То ли сказывалось их длительное пребывание в море на борту танкера, то ли азиатам не по нраву была фарерская земля, но они продолжали жить на «Грозном», следя за реактором и наотрез отказавшись расселиться на берегу в отличие от остальной части команды.

– Что будешь делать? – Попрощавшись с Милен, Лера подошла к Батону.

– Обратно на насест. – Охотник кивнул в сторону маяка. – Погашу иллюминацию и домой. Тихий час. – Он потянулся, смачно хрустнули косточки.

После того как Батон вновь обрел семью, которую столько времени считал утраченной, охотник заметно изменился. Стал более разговорчивым, хоть и продолжал дистанцироваться от остальных. Но самое главное, что не могло не радовать Леру, он перестал пить. С появлением Жени и Димы как отрезало. Конечно, Батон мог пропустить рюмку-другую в компании, но этим и ограничивался. Регулярные запои на износ остались в прошлом. Что говорить, это путешествие каждого из них изменило по-своему. У кого-то отбрасывало, кому-то, наоборот – вернуло. Оставалось надеяться, что они усвоили уроки.

– А ты?

– Тоже. Утро вечера мудренее.

– Добро. Тогда до утра.

– Спокойной ночи.

На том и разошлись.

* * *

Расположившись в «Трех овцах», за накрытым столом беседовали Турнотур и Никалунд. Столы в просторной зале традиционно были расставлены буквой «П», свет приглушен. По бокам расположились торговцы с телохранителями, а также приближенные из свиты Турнотура, мадам Ламбар сидела на почетном месте рядом с мужем. В центре на специальном помосте выступали артисты, развлекавшие собрание негромкими мелодичными песнями. Дежурившая у стен прислуга, поклевывая носами, внимательно следила, чтобы у всех хватало закусок и питья.

– Почему задержались? – спросил Вальгир, отламывая над своим блюдом краюху хлеба. – Гонец от вас вернулся неделю назад.

– Неотложные дела, – неопределенно ответил вождь «Землекопов». – Плюс ждали, пока в проливе успокоится, и подлатали паром.

Турнотур кивнул. Погода в последние дни действительно была неспокойная.

– Надолго к нам?

– На пару дней, по обстановке. Просим прощения за задержку, но это было необходимо, Вальгир. Наши ученые заканчивали одну разработку по усовершенствованию очистительных сооружений, я ждал результатов. Это нововведение оценят все жители островов.

– Дай-то небеса!

– Как у вас, кстати, с пресной водой?

– Не жалуемся. Песок иногда намывает – колодцы, конечно, пора чистить, но не к спеху.

– Я могу прислать людей, пусть посмотрят. Как ваши щупы, колена не пора менять?

– Сами управимся, инструменты есть.

– А подземные ручьи? Плытунов не было?

– Пока нет. Хотя в южной бухте скалы подмыло, но это уже не по вашей части. Хватит об этом. В случае чего я знаю, куда бежать.

Турнотур усмехнулся, и они с Балдером звякнули кубками.

– Жаловаться тебе не на что, – кивнул Никалунд. – С прибытием лодки суворойцы должны процветать. Провидение очень балует тебя, Турнотур.

– Этим людям нужна была помощь, – осторожно ответил Вальгир, тщательно подбирая слова – разговор переставал быть приятной светской беседой. – Они выполняли благородную миссию, мы не могли остаться в стороне.

– Да. Мы знаем, чем все закончилось.

– К сожалению. Но кто мог предвидеть такой исход...

– Разве не ты? С другого конца света на наши земли приходят чужаки, посягая на сокровища, столько лет хранившиеся в неприкосновенности. Решают ограбить нас, а когда ничего не вышло, уплывают, чтобы привезти тебе еще больше голодных ртов. Тебе мало своих людей, Вальгир?

– Но вместе с беженцами они предоставили нам реактор. – Разговор все меньше нравился Турнотуру. Сегодня он не желал, чтобы ему снова наступали на больную мозоль. Правитель покосился на жену. – Энергию. Ее не хватит на новое плавание. Да и куда им теперь держать курс? С их слов в мире хоть и есть еще очаги выживших и места, не подвергшиеся заражению, но как там устраиваться? В Антарктике? Сахаре? Сейчас невозможно начать все с нуля. Без поддержки и ресурсов.

– И ты им веришь? После того, что они сотворили с Хранилищем?

– А что с Хранилищем? От него и так все эти годы не было никакого толку. А так хоть что-то удалось извлечь.

– Хоть что-то, – фыркнул Никалунд, отпивая из кубка. – Когда можно было вынести все.

– И что бы мы делали с теми же эмбрионами, штаммами ДНК? Без надлежащих условий, людей, специальных лабораторий? А семена злаковых мы и так приготовили для меня и торговли.

– Мена и торговли, – повторил Балдер. – Вот как ты обращаешься с соседями, Турнотур. Русские приплыли к тебе, и ты, как представитель всех нас, должен был вынести правильное решение. Поделиться. А не быть собакой на сене. Они пришли как завоеватели, чтобы отобрать то, что по праву принадлежит нам.

– Я советовался с Семиброком. То, что мы достали, было поделено.

– Семиброк, – покачал головой Никалунд, свободной рукой перебирая намотанные на запястье четки. – Семиброк труслив. Он и шагу не сделает, не посмотрев в рот своим нянькам. И теперь ты катаешься как сыр в масле, в то время как нам перепали жалкие крохи с барского стола.

Мадам Ламбар молча трапезничала, внимательно слушая разговор мужчин, и изредка отдавала негромкие распоряжения подходившим официантам.

– Мы никого не принуждали. Это было желание русских – обосноваться здесь, я лишь дал разрешение. В темные времена нельзя отказывать нуждающимся в помощи.

– А ты дипломат. – Никалунд лукаво погрозил Турнотуру пальцем. – Смотри, не ровен час, объявишь нам всем войну. Вальгир-завоеватель!

Мадам Ламбар чуть заметно вздрогнула и поспешно взяла свой кубок.

– Войну? – нахмурился Турнотур. – О чём ты толкуешь?

Никалунд несколько раз щелкнул костяшками четок, внимательно глядя на него. Турнотуру показалось, что в зале стало намноготише и собравшиеся уже некоторое время прислушиваются к их разговору. Даже артисты будто поубавили темп своих музыкальных пассажей.

– Войну?

Наконец лицо Никалунда разгладилось, и он непринужденно рассмеялся в усы.

– Да остынь, сосед, какая война. – Он дружески хлопнул Вальгира по плечу. – Шучу! Хорошо твой хмель с дороги в голову дает, да не оскудеют твои винокурни. Пожалуй, возьму пару бочек для своих погребов. Нам всем и без твоей лодки забот хватает. Может, когда-нибудь, подобно спрутам, она и протянет свои щупальца на все острова, а пока, раз уж это твоя ноша, так ты ее и неси! Нам не жалко, верно?

Прибывшие с Сандура купцы согласно закивали.

– Давайте пить! А завтра мы пойдем, и ты покажешь свое диво и как вы тут все устроили. – Балдер сделал жест и, когда ему наполнили кубок, поднялся. – За хозяев!

– За хозяев! – дружно поддержало собрание.

Турнотур, облизнув пересохшие губы, с облегчением осушил кубок почти до дна и, переглянувшись с женой, опустился на место.

– Смотрю, вы в этот раз прилично нагружены? Целый автобус. – Он решил сменить тему.

– Верно. Нашему краю тоже есть чем похвастать. Кое-что из разработок, некоторые детали для систем. Сундуки из Торсхавна. – Услышав о столице, Вальгир оценивающее присвистнул. – Не так давно с ними контактили по неотложным делам, так что откусили от пирога неплохой кусочек. Сами увидите. Овощи, одежда, прочий стандарт для меня-торговли. И небольшой сюрприз. – Балдер хитро подмигнул и отпил из кубка.

– Сюрприз? – внутренне напрягся еще не отошедший от разговора Турнотур, а вслух шутливо добавил: – Надеюсь, приятный?

– Тебе понравится. – Пощупывая бороду, Балдер хищно посмотрел на девушку в пестром платье среди артистов, которая перестала петь и завела на свирели лирическую пастушью балладу. – Но для него потребуется определенное количество удобрений. Торф, компост и прикормки из того, что заготовили на зиму. Кое-что мы захватили с собой, но не тащиться же в гости с собственным перегноем. – Он рассмеялся.

– Не понимаю, – удивился Турнотур.

– Днем все увидишь. Просто отдай распоряжение фермерам, потребуется немного.

– Ты интригуюешь, говоришь загадками, но хорошо. Вскроем один из законсервированных погребов. Мы тоже подготовились. Оцените, когда поставят шатры.

– Но об этом завтра. Гей! – Никалунд хлопнул в ладоши. – Сыграйте нам что-нибудь веселее, ребята!

Музыканты перестроились, и зазвучала непринужденная ритмичная песенка. Наступила смена блюд, и гостям подали десерт. Банquet продолжался.

– Благодарим, дорогая Клара, – сказал Никалунд, взяв под руку мадам Ламбар, когда гуляние окончилось и все выходили на свежий воздух, пока в помещении гасили свет.

– Мы рады тебе, Балдер, – ответила мадам Ламбар, слегка разморенная банкетом и духотой наполненного запахами еды зала. – Как Илва, дети? Передавай им низкий поклон.

– Непременно. Илва шлет тебе привет. Дети уже догоняют родителей и подумывают о собственных гнездах.

– Время летит.

– Не говори, не говори. Слыхал, вы выдали Милен замуж?

– Да, недавно.

– И кто счастливый избранник?

– Олаф Ульгерссон. Толковый парень, из хорошей семьи.

– Чем промышляет?

– Ремесленник и рыбак. Учится. Думает подать заявку в Совет. Вальгири присматривает за ним.

– Рыбак… Тебе не кажется, что не по рангу пара?

– Хорошие руки здесь всегда были в цене, тебе ли не знать. Мы с Вальгиром тоже не родились с серебром во рту. Они молодые, политика им сейчас ни к чему. Пусть сначала семья наладится, а там видно будет. Мы уважаем ее выбор.

– А помнишь, мы думали сватать Милен за моего младшего? Вот был бы крепкий символ нашей дружбы? Да и порода бы сохранилась.

– Много воды утекло, – улыбнулась мадам Ламбар, внутренне поморщившись от слова «порода».

– Верно, верно. Как не стараешься оградить детей от необдуманных решений будучи уверен, что твоё мнение есть истинно верное, а все равно они сами должны выбирать свой путь.

– Да. Они должны учиться самостоятельно строить собственную жизнь.

– Глядишь, скоро и внуки появятся, – весело вздохнул Балдер и поспешил кокетливо добавить: – Но я это не к тому. Ты потрясающе выглядишь, Клара! Просто великолепно! Время не подступает к тебе!

– Да брось.

– Нет, серьезно! – Никалунд остановился и патетически обвел рукой погруженные в лиловый сумрак холмы, окружавшие поселение. – Это климат, воздух. Земля нашей родины, наконец, да благословят ее небеса! Судьба оградила наши края от чудовищного кровопролития, ввернувшего мир в хаос, и мы должны ценить и беречь, то, что нам оставлено.

– И мы будем, – к ним подошел опиравшийся на посох Турнотур. – А сейчас пора отдохнуть. Заговорил он тебя, а, Клара? Эй, Давен, Кент!

– Да сама дойду, ребята, гуляйте, – отмахнулась от сопровождения мадам Ламбар. – Доброй ночи, Балдер!

– Доброй ночи, Клара!

– Рад тебя видеть, друг, – улыбнулся Балдер, когда жена Турнотура удалилась.

Они снова обнялись, похлопав друг друга по спинам.

— Взаимно, сосед. Идем, баня уже растоплена. Пора тебе смыть с себя дорожную грязь. И я распорядился, чтобы нам принесли бочонок.

На том с официальной частью было покончено. Утром обитателей Сувороя ожидала ярмарка.

Глава 2 Ярмарка

После того как высокие чины разошлись по своим покоям, народ попроще – актеры, охрана и кое-кто из молодых купцов – продолжил возлияния в другом кабачке, который предприимчивый хозяин решил не закрывать до утра в надежде стрясти с разгоряченных посетителей лишний навар.

– Ну они и жрут, – резюмировал Паштет, в компании Трески спускаясь на улицу с черного хода «Трех овец». – Чё?

– Чё «чё»? – вопросом на вопрос отозвался приятель.

– Делать что будем?

– Хрен знает, – цыкнул зубом Треска, оглядев пустынную улицу. – Спать неохота.

– Ага.

– Ваши предложения?

– Завтра выходной вроде как, подрываться никуда не надо, только сети проверить, – начал издалека заходить Паштет.

– И?

– Может, нам… – Долговязый щелкнул себя пальцами по острому небритому кадыку.

– Присоединиться к джентльменам, дабы продолжить вечер? – осклабился Треска, покатав в кармане куртки полированные зубы гринд, слывших на островах за ходовую валюту.

– Ну, – кивнул напарник. – Добавить русского колориту.

– Так мы же по-ихнему не шпрехаем нифига.

– С ними Яков пошел, и я еще кое-кого из наших видел. Пара рюмок и разберемся.

Первый раз, что ли.

– И то верно. Погнали.

– Обожди, сначала поссу. На шухере стой.

– Да кому ты нужен, рожа имбэцильная.

– Почки расцвету-у-ут…

– Хе-хе-хе.

Когда Паштет управился, парочка двинулась было в сторону кабачка, как вдруг Треска остановился, разглядывая что-то в темноте за домами.

– Зырь.

– Чё?

– Вон, там. – Треска ткнул пальцем в движущийся со стороны леса силуэт.

– Пф, – пожал плечами Паштет. – Может, тоже отливать бегал, делов-то.

– В лес? Ночью? Не смеши. – И прежде чем Паштет успел ответить, Треска зычно свистнул, привлекая к себе внимание. – Гэй! Фью-и-йт!

– Ты чего? – испугался напарник. – Сбегутся же.

– Не бзди, братан, – решительно оборвал толстяк. – Вдруг это ворье какое. Видел, какую барыги тарантайку с собой притаранили?

– Так там же охрана.

– Охрана, охрана, – передразнил Треска. – Охрана с местными бухать ушла, я тебе отвечаю. Делать им больше нечего, как жопы морозить. А вот если мы его сами за сраку подденем, может, нам магарыч какой отсыпят. – Эй, любезный! Да ты, ты. Ну-ка постой!

Загадочная фигура, облаченная в плащ с капюшоном, остановилась и испуганно заозиралась, прижимая что-то к груди, пока к ней быстро приближались повара.

– Ты чего это впопыхах от народа шкеришься? – грозно поинтересовался Треска. – Чего это у тебя?

Из-под низко надвинутого капюшона донеслось нечленораздельное мычание.

— Чё ты там бормочешь, не слышно ни хрена. — С этими словами Треска протянул руку и сдернул с незнакомца покрывавший голову капюшон. — Птах?!

— Здорово, ребятушки. — Морщинистое личико блаженного растянулось в вымученной улыбке.

— Твою мать! — опешила парочка. — А ты-то чего здесь забыл, пернатый? Со стройки, что ли?

— Или по нужде? — уточнил Паштет.

— Нужда, нужда, ребятушки, — согласно закивал Птах. — Большая, неразрешимая.

— Куда ходил-то, ну? — оборвал Треска, теряя терпение. — Саечка за испуг.

— На поляну к башенке. Дяденьку навестить. — Перехватив ношу, блаженный махнул свободной рукой в сторону леса.

— Какой дяденька? Какая башенка? Ты на время смотрел? Или маслят обожрался что ли, нарк хренов? Покажь-ка. — Треска вырвал из покрытых шелушащимся псoriasis рук Птаха кулек, который тот прижимал к груди, и, развязав веревку, высипал содержимое на ладонь. — Орехи...

— Орешки, орешеньки, — закивал Птах. — Дяденьке носил. Попоститься. Не берет.

— Тыфу-ты, стерлядь. — Треска раздраженно сунул Птаху кулек, который тот тут же снова крепко прижал к груди. — Шатаешься тут, народ пугаешь.

— Не шатаюсь, а паломничаю, — обиженно насупился Птах, снова натягивая на голову капюшон. — В вереске башня стоит, а в ней отшельник. Не видел его, не показывается. Нельзя смотреть, беда будет. Сглаз! Привечает Пташку, советом выручает, мешочек ношу. Спрашивает про нас, как живем, чего делаем. Беспокоится.

— Ты про сотовую вышку у запруды, что ли?

Птах отрицательно затряс головой.

— Башня в вереске. Там.

— От здешнего климата окончательно крыша поехала, — уверенно пробормотал Паштет.

Пока повара переваривали услышанное, Птах поспешил дальше и вскоре скрылся за домами на противоположном конце площади.

— Вот же ж блин. — Тряхнув головой Треска сплюнул на землю. — Не понос, так золотуха. Орешки, черт бы их взял.

— А где у нас тут поляны с вереском-то? — задумался Паштет.

— Ой, только ты еще голову говном не забивай, — как от зубной боли, скривился Треска. — Ну сидит в лесу какой-нибудь идиот, или выдумал опять. Нам-то что. Потопали, а то вылакают все без нас.

— Точняк. В большой семье клювом не щелкают, — поддержал Паштет, у которого упоминание выпивки потеснило остальные мысли, и они зашагали по улице.

Кабачок встретил уютным гомоном и теплом. Караванщики и местные братались, оживленно переговариваясь и перемешавшись за столами. Поднимались пенные кружки, кто-то тискал кокетливо хихикавшую певичку, посадив ее себе на колени и нашептывая в ушко явно жаркие речи. В дальнем углу у стола, за которым схватились руками в борьбе два голых до пояса здоровяка, оживленно улюлюкала окружившая их кучка зевак, на все лады подбадривая взмокших соперников. Под прокопченным низким потолком то и дело раздавались взрывы полупульяного гогота, кто-то из артистов насиливал фальшивящее старенькое пианино.

Ввалившиеся в натопленное помещение повара с наслаждением вдохнули пахнущий салом и копотью воздух. Стянув ушанку, Треска окинул столы взглядом и увидев за одним из них Ерофеева, Якова и Ворошилова, толкнул Паштета в бок. Расстегивая крутки, парочка стала пробираться к своим, проложив маршрут мимо стойки, где перехватила пару бокалов.

– Здарова-те, – подвинулся Ерофеев, уступая место на скамье плюхнувшемуся Треске. – Вот и компания.

– Чё как?

– Да вот хлебосолим, как видишь, – усмехнулся Ерофеев. – Скандинавы бузят.

– Чего рассказывают? – сняв куртку и скомкав ее рядом с собой на скамье, огляделся Паштет.

– Концами меряются, – с вечно недовольной гримасой Ворошилов покосился на стол армрестлеров, откуда донесся низкий победный рев. Кому-то из соперников улыбнулась удача.

– Давайте уже, трубы горят, – нетерпеливо облизнулся Треска, и русские чокнулись кружками. Яков присоединился к остальным.

– А где Батон? – осушив кружку до половины, спросил Паштет, вытерев рот ладонью.

– К семье пошел. Отсыпаться.

– Э-э, – расплылись повара. – Жинка кислород перекрыла. Каблук.

– Дебилы вы, – беззлобно посмотрел на них Ерофеев. – Человеку такое счастье невиданное выпало. В наши-то времена... Считайте, вторую жизнь фантом вытянул. Тут задуматься надо, чего да как, а не здоровье гробить. Люська моя, память светлая, говорила, что по повороту ключа уже знала, когда я поддатый приходил. Дурак. Даже по такой фитильке скучаю.

– Где оно, здоровье-то. Почки расцвету-у-ут, – тоненько затянул Паштет.

– Печень запорха-ала-а, – в тон поддержал Треска, и парочка захохотала. – Ну даешь, философ. А сам-то что сейчас делаешь?

– Я так, – посмотрел в свою кружку стариk. – За компанию.

– Вот и мы за компанию, – согласились повара, снова прикладываясь к кружкам.

– Вам еще в фёркей завтра играть, – напомнил Ерофеич.

– Сделаем! – заверили повара.

Сидевший с краю Яков потягивал пиво, прислушиваясь к разговору за соседним столом, где уже некоторое время речи велись на повышенных тонах.

– ...а я тебе говорю, охренели вы со своей лодкой вконец, – напирал рослый скандинав из свиты каравана с окладистой, заплетенной косами бородой и заплывшими красными глазками. – Сидите тут, горя не знаете. Присвоили все себе. А какого рожна она ваша? Кто сказал? Покажи??!

– Чего там у них, – тихо поинтересовался Ворошилов.

– Да все то же, – не поворачиваясь, хмурился переводчик. – Лодка покоя не дает.

– Чего ты до меня докопался, – закипая, раздраженно парировал оппонент из местных. – Я тебе что, начальство? Совет? Турнотур??!

– Ну конечно, стрелочник. Яиц нет за базар отвечать, так все на главных спихнем, так? – не унимался бородач, которому выпивка с дороги и недосыпа крепко ударила в голову. – Ты свою рожу видел? Рот в кружку не помещается, отожрались, скоты. Баб наших лапаете, своих мало? – Он ткнул пальцем в местного, державшего на коленях певичку. – Руки от нее убрали! А ты чего стелешься, еще ляг под него!

– Отвали, – вальяжно огрызнулась девушка. – На пароме не дала, так яйца прищемило?

– Пасть закрой!

– Э-э, – набычился kleивший разомлевшую певичку амбал.

– Иди овцу себе постели, импотент!

– Остынь брат, выйди на воздух, – стиснув зубы, прибегнул к последней попытке спустить ситуацию на тормозах сидевший напротив буйна оппонент.

– Брат?! Какой я тебе брат, сука! Мой брат дома сидит, на семью впахивает, пока вы тут в ус не дуете. А мы ишачим, с дарами вон к ним идем, жопы надрывая!

– Что, переломился? Обычай нельзя нарушать. Мы к вам тоже ходим.

– А не ходите! Вы нам не сдались! Зажритесь, чтоб вы тут жиром все захлебнулись! Ой-ой-ой! Лодочка приплыла, попку нам всем подтирать. Прогнулись под русских, да? Да?! Я тебя спрашиваю! Отвечай, дермо! Или ты не мужик, а баба? Ко-ко-ко-ко…

– Ты под кем ходишь? Овечий сын! – отпихнув скамью, не выдержав, поднялся местный.

– Ты сейчас под себя ходить будешь!

– Полундра. – Без перевода втыкая в происходящее и стараясь сделаться незаметным, Паштет увлеченно присосался к своей пустой кружке, делая вид, что пьет.

Видя назревшую ссору, от стола армрестлеров отделился один из борцов и, накинув на плечо влажную тряпицу, подошел к сверлящими друг друга взглядами мужикам.

– Заканчивайте балаган, оба, – встав между ними и веско роняя каждое слово, посоветовал он.

– Пшел ты! – огрызнулся распалившийся караванщик и толкнул борца. Тот, не удержав равновесия, повалился на завизжавшую певичку, с грохотом увлекая ее и горе-ловеласа на пол.

Мелодия пианино зазвучала динамичнее и веселее.

– Остынь! – Кто-то плеснул пива в лицо заревевшему бородачу.

– Валим, – озвучил общую мысль Треска, напяливая куртку и посмотрев в запотевшее окно, за которым тускло занимался рассвет.

– Вот и посидели, гости дорогие, – заключил Ерофеев и в несколько глотков осушил содержимое своей кружки.

Когда они вывалились на улицу, потасовка внутри переросла в хорошую массовую драку, сопровожданную грохотом, бранью и звоном посуды. Со стороны бараков к кабачку уже спешила группа из местных стражей правопорядка – видимо, еще в самом начале назревающей ссоры кто-то догадался вызвать подмогу.

– Никого не забыли? – Русские и переводчик оглядели друг друга.

Все были на месте.

– Ну дают. – Треска цокнул языком, прислушиваясь к долетавшему на улицу шуму.

– Пьянь, – презрительно бросил Ворошилов.

– Пьянь не пьянь, а меру знать да язык контролировать нужно, – сказал Ерофеев. – Ладно, хлопцы. Пусть разбираются. Почапали на боковую, что ли.

Кутаясь в куртки и пряча в карманы руки, компания направилась в сторону своих жилищ.

* * *

Когда Мигель проснулся, Лера, тихонько напевая, уже вовсю колдовала на маленькой кухоньке. Увидев, что Чучундра, спустившись по столешнице, юркнула в спальню, девушка, продолжая взбивать в миске яйца, зашла следом.

– Доброе утро, соня, – прислонившись к дверному косяку, улыбнулась она, пока Мигель ворочался, пытаясь выудить забравшуюся под одеяло мышь. – Как спалось?

– В мертвую. – Откинувшись на подушки, Мигель раскинул руки и посмотрел в потолок. – Даже не снится ничего.

– Совсем-совсем? – Одетая лишь в бесформенно свисавшую тельняшку Лера потерла одну босую ногу о другую.

– Как выключатель нажимают. – Рывком сев на кровати, Мигель быстро натянул штаны. – Проваливаюсь куда-то и все.

– Даже я? – понизив голос, лукаво поинтересовалась Лера, когда он подошел к ней и, обняв за талию, прильнул к губам долгим поцелуем. – Ну погоди, погоди. Я же разолью.

– Я соскучился.

– И я. – Лера нежно куснула его за губу. – Но сначала умываться и завтракать.

Прошлепав через кухню, Мигель распахнул дверь и поежился на утреннем воздухе.

— Что случилось? — прислушавшись к звукам, доносящимся из селения, поинтересовался он. — Неужели приехали?

— Да, ночью. А ты проспал.

— Как всегда.

— Не вводи в привычку.

Пока Мигель, фыркая, умывался в поставленном на табуретку тазу, Лера сбегала на задний двор и дернула в теплице луковицу и пару редисин. Едва они сели за яичницу, мужчина сразу же заглотил почти половину своей порции.

— Не торопись ты, подавившись, — с улыбкой следила Лера. — Выходной же. Я что, столько старалась, чтобы ты за три секунды все съел?

Мигель прожевал кусок и виновато на нее посмотрел.

— Вкусно хоть?

— Очень.

— Вот и растягивай.

Лера смотрела, как ест Мигель, и думала о том, как он изменился после женитьбы. Как они оба изменились. Раньше она относилась к нему как к другу, человеку, всегда готовому помочь советом. Они столько пережили вместе, и даже первая близость не внесла кардинальных перемен. Скорее это был определенный этап, после которого ей было необходимо время, чтобы разобраться в себе и своих чувствах. Она знала, что и ему тоже. Лера не боялась секса, но знала, что после этого отношения между ними уже не смогут быть прежними. Так и вышло. И если до этого Мигель был просто Мигелем из соседней каюты, священником с далекого края земли, то после он стал ее Мигелем. Мужчиной, которого она выбрала. И который стал ее мужем.

Поначалу она не знала, как у них все устроится, но тут помогла смена обстановки. Новая земля, свое жилье. Лера боялась, что наедине у них не останется никаких тем для разговоров, и первое время всячески старалась заполнить хоть чем-то любую возникавшую паузу. Но очень быстро поняла, что это и не требуется и с Мигелем ей интересно даже молчать. Просто сидеть или лежать рядышком, слушая его дыхание и думая о чем-то своем. Главное, знать, что он рядом.

Мигель по-прежнему оставался священником, но дома с ней становился совершенно другим. Ласковым, заботливым и внимательным. А еще веселым. Она обожала, когда он улыбался. И тогда в уголках его глаз собирались маленькие морщинки, а от взгляда кружилась голова.

Единственное, с чем Лера пока никак не могла смириться, так это с тем, что теперь все кликали ее не иначе как попадьей. Ну не нравилось, и хоть ты тресни. Она понимала, что это данность, в которой нет ничего плохого, но по первости новое «звание» до трясучки резало слух. Масла подливали постоянные подколы Батона и неиссякаемые шуточки Паштета с Тресккой, на все лады изгалявшиеся над бывшей помощницей с завидной изобретательностью. И ответить-то было нечем, весь запас колкостей давно сошел на нет, оставалось лишь огрызаться, что приводило поваров в еще больший восторг. Ничего,стерпится-слюбится, как говорила баба Дина. Привыкнет. И Лера старалась.

— Чем займемся? — спросил Мигель, когда они поели и девушка убрала тарелки в таз для мойки.

— Как чем, ярмарка же, — удивилась Лера.

— А может, останемся дома, вдвоем? — предложил Мигель, обнимая девушку сзади, пока она раскладывала посуду, и зарываясь лицом в ее волосы.

— Нетушки. Не сработает. — Перехватив его руки, она развернулась к нему лицом, заглядывая в глаза.

— Хочешь пойти?

– Конечно! Они же привезли столько всего интересного! Целый автобус. И с ними еще музыканты. Неужели тебе не хочется посмотреть?

– Хочется, – вздохнул Мигель и улыбнулся.

Ну вот опять. Какой же он...

– Тогда одеваемся.

– А Чучундра?

– И ее возьмем! – отозвалась из комнаты Лера, стягивая тельняшку. – Блин, джинсы не отмокли. А, ладно. Эти возьму.

– Что, гулянки? – Мигель посмотрел на устроившуюся на столе мышь. Та встала на задние лапки и одобрительно пошевелила усами.

Когда они вышли из дома, односельчане уже кто парами, кто поодиночке, вовсю стягивались на площадь, где установили два шатра – давно, еще до войны они были завезены в Торсхавн с большой земли, когда на Фарерах, помимо стандартной туристической программы, пытались наладить парк развлечений. Но от затеи быстро отказались ввиду небольшого притока иностранцев, изменчивого климата и затрат. В относительно сырой столице развлекательный инвентарь был мало востребован, и хозяйственному Туронтуру еще в первые годы после Катастрофы удалось выторговать шатры себе на аукционном соревновании среди островов.

Возле первого шатра уже был припаркован автобус, один борт которого опустили, и из салона грузчики переносили внутрь разнокалиберные ящики, содержимое которых выкладывалось на расставленных кругом столах.

В соседнем деловито сновали готовящиеся к торговле обитатели «Братства».

– Эй, Александровна! – окликнули Леру и Мигеля, и из толпы вынырнул Витька Боровиков под руку с женой Лизой, ходившей на сносях. Располневшая девица, некогда бывшая фавориткой в обширном гареме отприска свергнутого главы Совета, кривила мордочку, догрызая какой-то корешок. – Здорово, попадья! Ваше Преосвященство!

– Не юродствуй, – огрызнулась Лера.

– Ни в коем разе. Негоже подшучивать над благочестивой семьей. – Лера сжала кулак, сдерживаясь, чтобы не впечатлить его в ненавистную рожу. Мигель легонько взял ее локоть. – Выбрались на прогулку? Мы тоже. Как быт, семья? Обживаешьесь?

После того как Боровикова-старшего выгнали из руководства еще в Пионерске, и без того распоясанный Витька совсем обнаглел, затаив злобу за обиду отца. Здесь, на Фарерах, у некогда пользовавшегося авторитетом семейства не осталось привилегий – жили как все, но Витька все-таки завязал некоторые полезные, на свой взгляд, знакомства среди местной «золотой молодежи». Будучи белоручкой на стройку не ходил, для вида копаясь в парнике и отбрехиваясь тем, что не может надолго оставлять в одиночестве беременную жену, которой требовалась забота. Как будто в селении сиделок и подруг не хватало. Но друзей у гнилой парочки действительно было мало. Поразбежались после переезда, занятые собственными проблемами. Общались, конечно, но уже не так бурно, как дома, чужая земля все-таки. У многих адаптация протекала болезненно.

– Не жалуемся. Вас, я вижу, можно поздравить. – Лера указала на живот Лизки, которую практически не видела с приезда в Пионерск.

– Да, Бог послал. – Боровиков с гаденькой улыбкой погладил женин живот. – Ждем не дождемся. А вы пока не надумали? Дополнить идиллию, так сказать.

– Да чем ей рожать-то, – дожевав корешок, хрюкнула Лизка. – Вон, одна кожа да кости, небось с постов не слезает. Или вообще, того. – Она ткнула пальцем в Чучундру, сидевшую у Леры на плече. – Антисанитария.

Она захихикала.

– Лера, – одними губами предупредил дернувшуюся жену Мигель.

– Как видишь, – стальным тоном ответила Боровикову девушка. – Пока не родила.

– Ну это ничего, ничего, – с наигранным участием покивал Витька. – Главное не сдаваться. Вы работайте над этим, работайте.

– Были рады увидеться, – попрощался Мигель, видя, что Лера уже еле сдерживается, и увлекая ее в сторону.

– И мы. Гуляйте, гуляйте, – благодушно расплылся в улыбке Боровиков. – Сегодня же выходной.

– Спасибо, что разрешил, урод, – прошипела Лера, когда они пошли дальше.

– Остынь, ну что ты.

– Такие не должны размножаться. Как представлю, если бы я…

– Лера.

Понимая, что девушку необходимо срочно на что-нибудь переключить, Мигель повел ее к одному из шатров.

– Смотри, там вроде платки какие-то или занавески? Пошли, посмотрим.

Ярмарка постепенно набирала обороты, люди все прибывали, и вскоре на площади собрались почти все селение. Только сейчас, дойдя до прилавков, Лера увидела возле шатра караванщиков небольшую яму с заградительной лентой по периметру, рядом с которой возвышалась внушительная куча земли. Над углублением поднималась блочная конструкция, от нее вниз тянулось несколько веревок. Тут же стояли две распряженные повозки, доверху нагруженные компостом и перегноем, возле которых скучало несколько парней с лопатами.

– Они вскрыли погреб? – удивилась Лера. – Зачем?

В этот момент из-за автобуса появились вновь разодетые артисты, и на небольшой помост, установленный возле ямы, взошли Никалунд и Турнотур.

– Друзья! – призывая к тишине, воздел руки Балдер. – Мы рады быть на вашей земле и в знак доброго соседства хотим преподнести Сувурою дар!

По толпе зашелестел оживленный гул. Подарки ценили и любили даже в нелегкие времена.

– На дворе зима, и хоть в наших краях она никогда не бывает жестокой, земле, которая кормит всех нас, тоже необходима забота.

О стычке в кабаке накануне не упоминали, с каждой стороны уже последовали соответствующее наказание и штрафы. А также были принесены взаимные извинения. Зачинщики отправились размышлять о своем поведении на нарах в местном изоляторе.

– Поэтому мы привезли вам средство, в прошлом сезоне успешно опробованное нашими земледельцами и показавшее превосходнейший результат!

По жесту Никалунда несколько человек подтащили к яме внушительное нечто, завернутое в парусину, которое извлекли из телеги, накануне замыкавшей процессию караванщиков. Положив ношу перед помостом, они стали споро ее расчехлять.

– Чего творят? – Лера повернулась и увидела стоявшего рядом Батона, а также Женю и Диму, которые были вместе с ним. Зеленский выглядел отдохнувшим и заметно посвежевшим, хоть спал, по всей видимости, от силы пару часов. А ведь ему сегодня еще предстояло играть в фёркей против местной команды. На чужой земле русские довольно быстро втянулись в этот вид спорта, хоть и с нововведениями, присущими времени, но позволявшими на время отвлечься от повседневности и выпустить пар. Поначалу неумело шло, вспоминали. Но быстро настропалились.

– Пока неясно, – пожала плечами девушка и поздоровалась с женой и сыном охотника.

Балдер следил за работой и, когда перед собравшимися на площади показался необычный предмет, торжественно продолжил:

– Это Живица! Или, как зовем его мы, Живень-корень!

Отбросив скомканную парусину, помощники не без усилий поставили вертикально нечто напоминающее ошкуренный белесый ствол дерева, полый внутри, в несколько метров высоты.

той и с бочкообразным утолщением снизу, от которого в стороны расползлось переплетение длинных узловатых корней. Весь ствол загадочного растения был усеян маленькими отверстиями, напоминающими гнездо термитов. В воздухе почувствовался сладковатый привкус гниения. Кто-то в толпе, втянув носом, поморщился.

– Возрадуемся! Нам подарили пахучий пень!

Лера улыбнулась шутливому возгласу Батона и подтянула к лицу намотанный на шею мамин платок. Чучундра сбежала с плеча в нагрудный карман ее куртки.

– Кровеносная система, насыщенная полезными микроэлементами, нужна земле, как и нам с вами. Это – сосуд, в котором обитают черви-грунтотесы. Мы сами вывели их путем долгой и кропотливой селекции. Мы привезли совсем немного, сколько успело народиться, но они размножаются, достаточно подкармливать их перегноем и любой органикой из ваших запасов. Здесь им будет сытно, а в земле тепло. Через эти корни они будут проникать в грунт и прокладывать свои дорожки, насыщая экскрементами почву и удобряя ее.

– Но на воздухе сейчас практически ничего не растет, – подал голос кто-то в толпе. – Овец и так за холмы гоняют. Все перенесено в теплицы.

– Верно, – согласился Балдер. – Пашни отдыхают. А помогать им набираться сил и есть задача грунтотесов.

– А если они прогрызут колодцы, что тогда?

– Не тревожьтесь, – успокоил Никалунд, наблюдая, как помощники с помощью веревок и блоков опускают Живицу в яму и засыпают корни землей. – Водяные каналы бетонные, а до грунтовых вод глубоко. Им это не под силу.

– А как поливать? – по толпе собравшихся прокатился смешок.

– Не нужно, – улыбнулся шутке Балдер. – Все сделает сама природа!

– Поставили бы это чудище на отшибе!

– Здесь в селении почва теплее, это необходимо для ускоренного размножения. К тому же тут будет легче заботиться о грунтотесах. Они предназначены только для обитания в земле, считайте это естественным оздоровлением. В наши дни не осталось удобрений и средств, насыщенных химией, чтобы подкармливать и дренажировать почву, поэтому мы изобрели новый, чистый способ, не требующий особых затрат, но который к сезону посевов обеспечит уверенный результат и обильное плодородие. И теперь мы делимся им с вами!

– Балдера в депутаты, – хмыкнул наблюдавший за действием Треска.

– Зато с рыбалкой проблем не будет, – оценил потенциал подарка Паштет. – Я уже заманился каждый раз с приманками изгаляться.

Под нестройные аплодисменты в закопанную Живицу стали лопатами забрасывать компост из телег.

– А если удобрений не хватит? Нам они и в теплицах нужны, – снова поинтересовался кто-то.

– Не стоит волноваться, грунтотесы неприхотливы и им не требуется много еды. К тому же органическая добавка необходима лишь для того, чтобы они успешно размножались, дальше все необходимое они сами найдут в земле. Вы даже не заметите убытка, до конца зимы хватит.

– Как они хоть выглядят-то? Грунтотесы эти.

По жесту Никалунда один из рабочих стукнул лопатой по бочкообразному утолщению ствола, и из одной из дырочек на железное полотно вывалилась продолговатая темно-фиолетовая ленточка.

– Смотрите!

Пока рабочий проходил перед первыми рядами, показывая свернувшегося на лопате червяка, сзади напирали, вытягивая головы, чтобы лучше рассмотреть диковинку.

– Мы благодарим «Стальных землекопов» за этот полезный и необычный дар! – когда все, кто мог, насмотрелись, провозгласил молчавший до этого Турнотур. – Надеемся, что он принесет нашим краям пользу и в сезон жатвы мы созвовем вас на благодарственный пир! А теперь – к прилавкам!

Пока собравшиеся расходились, рабочие споро разобрали помост и стали обносить Живицу аккуратным заборчиком. Кое-кто из зевак задержался, чтобы еще поглязеть.

– Идем на товары посмотрим. – Лера потянула Мигеля к штаграм. – Я околела стоять.

Гуляя между столами, они разглядывали привезенный с Сандура товар. В основном это была расхожая мелочевка, по-настоящему стоящих вещей предлагалось не так уж много. Но кое-что способное сгодиться в хозяйстве имелось. Мешочек с зубами гринды Лера развязала всего пару раз, прикупив домотканые занавесочки для окна на кухню, и не удержалась у прилавка с искусно выделанными ножами. В огнестрелах никакой нужды не было – достаточный арсенал, включая верный «Бизон», по-прежнему хранился на «Грозном», да и применять его особо было негде, но вот пару бывавшему в приключениях «клену» ей давно хотелось составить, тем более разложенное на kleenке холодное оружие просто приковывало к себе взгляд. И не только Леры. Напротив коренастого лысого бородача собралось несколько местных охотников, на все лады расхваливавших достоинства тех или иных лезвий.

Внимание Леры сразу привлек экземпляр, напоминавший кортик в добротных голенных ножнах.

– Смотри, прямо «Адмирал». – Она показала его Мигелю, который иногда выступал при жене переводчиком. – Красивый какой.

На островах использовалось довольно много языков из-за представителей различных народностей, навсегда застрявших здесь во время войны. Самыми ходовыми были датский, норвежский, шведский, английский и французский. С помощью мужа и Милен Лера потихоньку училась и уже немного могла общаться, но с живой речью еще иногда плавала, поэтому каждый раз в подобных ситуациях искренне радовалась, что у нее такой замечательный муж.

Видя заинтересованность Леры, которая к тому же была единственной девушкой, позарившейся на мужской товар, продавец переместился от охотников поближе к ней и Мигелю. Один его глаз скрывала мутная линза гоггла на ремешке, туго опоясывающем голову.

– Короче кортика на четверть. Нержавейка. Можно рубить и резать, сохраняет остроту даже после пребывания в соленой воде, – переводил описывающего товар торговца Мигель, пока Лера рассматривала лезвие, в сечении имевшее ромбовидную форму с вогнутыми спусками. – Заточено на две трети обуха. Рукоять из обработанной древесины со вставками.

Торговец смолк, иронично наблюдая за девушкой, внимательно изучавшей мужскую игрушку. Оторвав взгляд от оружия, Лера оглядела прилавок и, заметив за спиной продавца небольшую размалеванную мишень сплошь в рубцах от метания, подбросила утяжеленную рукоять, взвешивая ее, и вдруг запустила нож в деревяшку. Тот с глухим стуком вонзился в «яблочко». Стоявшие рядом охотники обернулись, продавец удивленно заломил кустистую бровь. Мигель улыбнулся, посмотрев на довольную девушку. Тренировки работали.

– Годится. – Лера выудила из куртки мешочек. – Сколько?

– Могу предложить точило.

– Нет. Только его и ножны.

Поторговавшись для приличия, она купила нож вместе с ножнами, которые впечатленный неожиданным экспромтом Леры торговец выкатил за полцены.

– И зачем он тебе?

– Придумаю. Картошку чистить. Ну, как я? – игриво поинтересовалась Лера, направляясь к следующему прилавку.

– Хвастунья.

— Ага, — просто согласилась девушка и, встав на цыпочки, чмокнула мужа в нос. — И вся твоя.

Они еще немного побродили, рассматривая различные садовые инструменты, посуду, вяленое мясо и овощи, всевозможные маринады и жестянки с вареньем, одежду, кое-какой инвентарь из луков с колчанами, копий, гарпунов для забоя гринд, кистеней и даже расписных щитов. Довольно быстро это все надоело, сказывалась нервная ночь, и уставшая Лера потянула Мигеля домой. К тому же вечером, специально для гостей, должен был состояться дружеский матч по фёркею между местными командами, отдаленно напоминавший хоккей, но претерпевший существенные изменения к тридцатому году.

Пока шла торговля, Турнотур с Никалундом в сопровождении небольшой свиты вышли на берег.

— Значит, вот он, Левиафан! — Остановившись, Балдур окинул взглядом бухту и громаду «Грозного» (с развевающимся Андреевским флагом), от которого к работающим подстанциям над землей протянулись кабели. — Эх, жалко фотика нет.

— Бахнуть селфи и выложить в Инстаграм, — услужливо хихикнул кто-то из четверки Балдера.

— Можешь гравюру заказать, точь-в-точь сделают, — усмехнулся в усы Турнотур. За то время, что лодка вернулась к «Братству», он успел привыкнуть к непрекращающимся охам и ахам наведывающихся гонцов и торговцев, но сосед с Сандура единственный, кто озвучил мысль о фотоснимке.

— Времени нет, — махнул рукой Никалунд, и они двинулись дальше. — Хоть до меня и доходила молва о твоих искусственных художниках, в другой раз. Да-а. Ну и устроено тут все у вас. Это же какие ресурсы, силища, мощь.

Поднявшись по сходням, у которых их ожидали Тарас и Яков, делегация ступила на борт атомохода.

— С ума сойти. — Сняв перчатку, Никалунд благоговейно коснулся ладонью обшивки. — Как будто я слышу прошлое. Спустя столько лет это судно продолжает бороздить океаны разрушенного мира, вселяя надежду в сердца людей. Не это ли доказательство незыблемости гения технической мысли? Настоящая крепость! Не зря вас так все боялись. — Убрав руку, он посмотрел на Тараса. Тот промолчал.

Лапшов и переводчик провели небольшую экскурсию, особо не вдаваясь в ненужные подробности. Никалунд внимательно слушал, иногда кивая и задавая вопросы. Особенно привлекли его внимание оружейка и медпункт, в котором он задержался, вчитываясь в надписи на перетянутых резинками блистерах.

— А чего вы их на рынок не вынесли? — спросил он, жадно оглядывая стеллажи. — Это же сокровищница Али-Бабы! Оазис посреди мертвый пустыни!

— Не продается, — за Турнотура твердо ответил Тарас. — Только в экстренных случаях и по крайней нужде.

— Разве сейчас не такой случай? Когда еще свидимся. У нас тоже есть старики, дети.

Сувуройцы смолчали, прекрасно понимая, что за пару ампул обезболивающего могли бы запросто получить целиком караван со всеми потрохами, включая паром. Думал об этом, по всей видимости, и сам Никалунд.

— Если будем сорить направо и налево, толку все равно не будет, — заметил Тарас. — Болеющих найдутся сотни, а на всех не хватит. Прививками и вакцинациями всех не вылечишь, так зачем попусту дразнить людей. Только в экстренных ситуациях, — повторил он.

— Согласен, — кивнул Турнотур, когда Никалунд повернулся к нему, явно ожидая услышать иное решение. Сейчас опять начнет о прогибах под русских, подумал Вальгир, но сосед, напротив, понимающее кивнул.

– Вы правы, правы. Всех не вылечишь. Вот она, оборотная сторона власти, а, Вальгир? Нести такую ношу и ответственность. Иметь силы отстаивать свое решение, каким бы тяжелым оно ни было и, главное, объяснить людям, что всё для их же блага.

– И при этом не споткнуться.

– Ты сам сказал, – подмигнул Никалунд. – В этом и есть суть политики. Кто лучше жонглирует, тому и аплодисменты. Верно?

Его свита согласно закивала. Больше не задерживаясь в медпункте, Балдер проследовал в оружейку и тут уже не смог сдержать эмоций.

– Впечатляет… С таким арсеналом тебе нечего и некого бояться, Вальгир. – Он взял с одной из стоек неснаряженный АК-74М, взвешивая его в руках. – Куда нам со своими палками и цепями.

– Не прибедняйся, у вас есть оружие.

– Есть, – согласился Никалунд. – Но не такое, и не в таком количестве. Не прикажешь же заново порох изобретать? Да и с кем воевать, с гриндами?

Он повернулся к Турнотуру так, что дуло автомата как бы невзначай уставилось на него. Несмотря на то что все боеприпасы хранились под замком и оружие было не заряжено, Тарас все равно напрягся.

– Хороша игрушка. – Балдер вернул автомат на место и вздохнул. – Знаю, знаю. Не продается.

Он продолжил осмотр и дойдя до накрытого брезентом экзоскелета, без приглашения расчехлил его, отступив.

– Что это? – с неподдельным удивлением спросил Никалунд.

– Экзоскелет экспериментальный, – неохотно объяснил Тарас. – Довоенный опытный образец.

Пальцами в перчатке Балдер провел по спаренным стволам ГШГ.

– Доспехи королей, – любуясь скафандром прошептал он. – Вы, русские, страшный народ.

– Не страшнее вашего. – Переглянувшись с Турнотуром, Тарас подобрал брезент и накрыл экзоскелет.

Как ни хотел Никалунд, но в торпедный отсек и реакторную дальше тамбура гостей не пустили. Тарас с помощью Якова ограничился короткими сухими объяснениями о принципе работы, на том и кончилось. Остальное уранство «Грозного» не вызвало у делегатов такого же острого интереса. Они еще немного походили, посмотрели и вскоре снова ступили на пирс.

– Ты удовлетворил свое любопытство? – поблагодарив старпома и Якова, оставшихся у корабля, спросил Турнотур.

– Более чем. Воистину лучше один раз увидеть. Ты просто не отдаешь себе отчета в том, что держишь в своих руках. – Никалунд смотрел на опутанное кабелями селение. – А если отдаешь, ты опасный сосед, Турнотур. Это же вечный двигатель.

– Не вечный. Запас хода реактора когда-нибудь должен закончиться, и пополнить его мы уже не сумеем. Они приплыли сюда из последних сил, на свой страх и риск. Поэтому пока все только для процветания и блага, на сколько хватит. Нам не нужна очередная война, им тем более.

– Главное, чтобы ты и дальше так думал, – щурясь на ветру, сказал Никалунд, тихо добавив: – Гордыня до добра не доводит. Ладно, идемте! С этой экскурсией я нагулял недурственный аппетит, продолжим за бокалом хмельного. Кстати, я не прочь отоварить пару бочек лично для себя. И позовите певичку.

* * *

Перед игрой был создан «военный совет», как его называла собравшаяся команда Батона. Опытный охотник еще с самого начала взял на себя бразды правления, так как, по его же собственным заявлениям, когда-то ходил в хоккейную секцию. На льду стояли практически все, а кто не умел, довольно быстро освоился.

– Значит, так! – разгоряченно говорил Батон, расхаживая в центре барака, где размещались строители русского селения. – Слушайте сюда! Сегодня у нас гости. Считайте, это показательный матч!

– А выигрывать-то прилично? – неуверенно спросил Паштет. – Мы же гости. Да и их больше.

– Мы тут давно не гости, – возразил Тарас. – И число не имеет значения. Игра есть игра.

– Вот! – поддержал Батон. – Настрой похвальный! Мы представители величайшей хоккейной державы, а что нашему хоккею свойственно? Правильно – интеллект. Правда, это не ко всем относится.

Батон многозначительно кивнул на Паштета и Треску, которые тут же, не сговариваясь, недовольно поджали губы.

– Старые песни о главном, – буркнул толстяк.

– Тоже мне, Чапай! – хмыкнул обиженный Паштет.

– Да, Чапай! – оскалился Батон. – Я в тактике побольше твоего кумекаю. Ты мне тут дисциплину не подрывай, а то мигом отправишься к штрафникам. С острым недомоганием жевательного аппарата.

– Ты чего злой такой сегодня, – подала голос сидевшая на одной из скамеек Лера. Но причину и сама понимала. Встреча была непростой из-за приезда соседей. Им требовалось показать себя и не ударить в грязь лицом, хотя в этой игре такое даже приветствовалось.

– Диванный критик, – шикнул на нее самопровозглашенный играющий тренер. – В хоккей играют настоящие мужчины. Слышала такую песню?

– Опя-я-ять...

– Вот и цыц. Или топай отсюда.

– Подумаешь, – бросила Лера, словно ей было все равно. Но тем не менее она даже и не собиралась никуда уходить. Девушка не умела стоять на коньках, хоть среди спортивного инвентаря были и оригинальные модификации с поддерживающими колесиками или полозьями. Попробовала пару раз, но постоянно травмируемая пятая точка очень быстро стала выражать свой протест, и Лера бросила эту затею. Тем более, посмотрев пару игр, на которых что «наши», что местные, пользуясь «нововведениями», нередко давали волю кулакам, а иногда и вовсе скатываясь в откровенный разудалый мордобой, она окончательно поняла, что фёркей – это не ее. Да и костюма подходящего у девушки не было, хотя обшивший команды портной и предлагал несколько вариантов «посексуальнее», чтобы подогревать толпу.

– А может, сразу чирлидершей, – иронично заломила бровь Лера, несмотря на свое неучастие знавшая все аспекты игры. – Водорослями трясти с юбочкой до трусов?

– И в сапожках, отличная кожа есть. – Портняга энергично закивал, улыбаясь, на что Лера хлопнула дверью. Перебыются. Пусть другую охочую до простуды найдут, она им не матрешка.

– Так, о чем это я? – продолжил Батон. – А! Про интеллект. Короче, нам нужно дорожить шайбой. Будем играть до верного. Как завещал товарищ Тарасов. В общем, смотрите...

Батон с увлечением начал чертить на полу грифелем какие-то мудреные схемы.

– Шайба должна постоянно перемещаться от игрока к игроку. Она должна быть всегда в движении. Пусть они играют без шайбы. Эта система называется «конверт». Понимаете?

Кто-то кивнул, хотя по лицам собравшихся было понятно, что речь Батона так и сквозит дырами.

– Это северо-американцы привыкли играть по принципу бей-бэги, но мы же не такие? Надо заставить врага играть по нашим правилам. Измотаем, запутаем, а потом отгрузим полную кошелку. А если что не так, то не «пескуйте», сразу на дядю Батона играйте. Я-то знаю, что с шайбой делать.

Лера не удержалась от смешка.

– Еще тут? – нахмурился Батон. – Ты понимаешь, что мешаешь?

– Да чем я тебе мешаю? – не выдержав, вспылила в ответ Лера.

– Марш отсюда!

– Все-все, ухожу, – тут же поспешила ретироваться девушка, прекрасно понимая, что охотник может взорваться в любую секунду. Уж очень она хорошо его знала.

– Я русским тебе языком говорю! – ждал тренер-охотник.

– Да иду уже! – Лера демонстративно развернулась и отошла в дальний угол барака, устроилась на стуле и скрестила ноги.

– Продолжаем. – Голос Батона все равно было хорошо слышно. – Играем на большой площадке. Договорились, что в команде по семь человек. Плюс вратарь. Замены делать можно. Но целыми звеньями играть не получится, как в настоящем хоккее. Со мной выходят Паштет, Треска...

Как обычно, Лере быстро надоели речи напарника. И она не нашла для себя ничего лучше, чем пройтись вокруг импровизированного ледового стадиона.

Закатывающийся за горизонт тусклый диск солнца слал последние лучи людям, двигавшимся к Медузье бухте. На дне, под коркой прибрежного льда, размеренно пульсировала огромная, испещренная венами и прожилками студенистая масса, подсвечивающая океан мягким голубоватым свечением. Отпрески Горгоны плавно кружились подо льдом (который заранее проверили на прочность и вычистили), своим мерцанием придавая площадке волшебный, мистический вид.

На берегу были установлены импровизированные трибуны, приведенные в надлежащий вид к приезду гостей и оснащенные многочисленными факелами. Для высоких лиц соорудили отдельную ложу, обеспечивающую лучший обзор предстоящего действия.

Команды уже вышли на лед, зрители были на местах и ждали сигнала. Поднявшийся со своего места Турнотур по праву хозяина ударом в поднесенный гонг дал стартовый сигнал.

Протяжный вой рожка ознаменовал начало матча.

И в этот раз происходившее на льду мало походило на спорт. Замелькали разномастные шлемы, прелые от дыхания бороды, раскрасневшиеся лица. Сумбура добавляли костюмы – каждый игрок хотел выделиться и смотреться более устрашающе, чем другие.

Это была какая-то толкотня, в которой никто особенно не церемонился. Шайба как заведенная металась по площадке, а за ней толпой носились орущие друг на друга мужики. Орудовавшие клюшками кто из дерева, а кто из обработанных шлифовкой позвонков молодых гринд. Чаще всего эти инструменты использовались не по назначению, обрушиваясь то на спины, то под ноги соперников. И все это под гиканье собравшихся зрителей.

Стало сразу понятно, что все тактические заготовки Батона пошли насмарку. Но его это, похоже, ничуть не заботило. Он как оголтелый рассекал по площадке, нарушая собственные же предписания. И кажется, получал от этого громадное удовольствие.

Уже на первой минуте в Батона въехал какой-то здоровенный фаререц. Да так, что охотник сначала отлетел в сторону, а потом, перевернувшись, проехался лицом по льду, подсвечиваемый снизу разноцветными медузами сплохами. У Леры перехватило дыхание. К счастью, он тут же вскочил и снова ринулся в самую рубку.

– Да-вай! Да-вай! – скандировала толпа, помогая себе кто во что горазд: трещотками, стиральными досками, свистульками. Кто-то выстукивал ложками по надетому на голову ярко раскрашенному ведру.

По губам Батона можно было прочитать что-то из серии «отличный силовой прием», только значительно короче и эмоциональнее. Он явно наслаждался происходящим, таким увлеченным его уже давно не видели.

– Оле! Оле-оле-оле-е! Россия, впере-ед! – тянула Пионерская молодежь, размахивая над головами шарфами.

Но постепенно чаша весов начала клониться не в пользу команды «Грозного». Физически крепкие фарерцы все чаще стали заталкивать соперников, вынуждая прижиматься к своим воротам.

Треске и вовсе саданули подножку, и растянувшийся на пузе толстяк засучил руками в перчатках, пытаясь подцепить отлетевшую клюшку. Ему на помощь заскользил вертлявый Паштет, опрокидывая обидчика, местного здоровенного кузнеца, который с азартным ревом поднялся и втащил долговязому.

– В кочергу заверну!!! – поправляя каску, прогремел он.

– Надорвешься. – Паштет показал язык. К ним уже спешили остальные игроки.

Позабыв про шайбу, которая сиротливо откатилась под коньки захлебывавшегося свистом судьи, обе команды с энтузиазмом принялись мутузить друг друга под одобряющие крики толпы. Брызнула китовыми позвонками разбитая о чей-то торс клюшка. Наконец, игроков удалось утихомирить, и «матч» продолжился.

Все отчетливее приходило понимание, что гол остается вопросом времени. И он состоялся. Хотя команда «Грозного» и демонстрировала чудеса героизма, и вратарь Ворошилов крутился в воротах как белка в колесе, но есть предел везению. Мощный щелчок, и черный кругляш затрепыхался в сетке, проскочив над плечом спелеолога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.